

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

МАСТЕР КРИМИНАЛЬНОЙ ИНТРИГИ

ТОМИТСЯ ДУШЕНЬКА

НА ЗОНЕ

Владимир Григорьевич Колычев
Томится душенька на зоне
Серия «Колычев. Мастер
криминальной интриги»
Серия «Колычев. Русский шансон»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=168336

Владимир Колычев. Томится душенька на зоне: Эксмо; Москва; 2008

Аннотация

Три года зоны равнозначны десятку лет вольной жизни. Тем более если за колючкой томится красивая, молодая женщина. Именно такой срок получила Женя за соращение малолетнего, чего, конечно, не было и в помине. Но любой срок кончается. Женя вышла на волю, еще не зная, как она отомстит обидчикам, которые ее так коварно подставили...

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	26
Глава 3	42
Глава 4	58
Глава 5	74
Глава 6	90
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Владимир Колычев

Томится душенька на зоне

Часть первая

Глава 1

Свет софитов, вспышки фотоламп, плотный воздушный поток от вентилятора... Евгения в купальнике, руки, словно крылья, разведены в стороны, а искусственный ветер поднимает и развеивает ее волосы. Щелчок фотокамеры, другой. Смена положений. Профиль, анфас, три четверти, пол-оборота...

– Отлично, Женька! Молодец!

Олега Коготкова не узнать. В школе он был тюфяком и тихоней, а сейчас просто хват. Крашенные волосы, нарочито небрежный, но тщательно продуманный стиль в одежде, резкие стремительные движения. За словом далеко не ходит, взгляд шельмовской, но вместе с тем обаятельный. И улыбка такая, что просто сил нет ответить «нет»...

– А теперь давай топлес! – не отрываясь от фотокамеры, попросил он.

И уверенным движением руки показал, что ей необходи-

мо избавиться от верхней части бикини.

– Чего?

– Женька, ты меня удивляешь! Ты актриса, и не знаешь, что такое топлес. В переводе с английского это значит обнаженная грудь...

– Да хоть с парагвайского. Мы с тобой, Олежа, так не договаривались.

– Значит, договоримся... Женька, я же знаю, ты не можешь меня разочаровать.

– Очень даже могу.

– Ну ладно меня, а публику? Поверь, люди с нетерпением ждут твоего фото в нашем журнале. Ждут и не дождутся...

Олег надул губки, выкатил глазки – как будто выражал недовольство от имени всех читателей своего журнала.

– Врешь ты все, никто никого не ждет. Народ про меня не знает...

– Так узнает!!! Ты же актриса, Женька! Для тебя же популярность, что для младенца молоко матери!

– Популярность популярности рознь.

– Женька, не будь занудой! У тебя творческая профессия, у тебя должна быть фантазия. Ты себе только представь, увидит какой-нибудь знаменитый режиссер твой топлес на обложке, узнает, что ты актриса, и пригласит в свой новый фильм, где главная героиня должна раздеться перед камерой до пояса... Или ты в таких фильмах никогда не будешь сниматься?

– Ну, если пригласят... – замялась Евгения.

Олег преувеличивал, называя ее актрисой. Она всего лишь окончила второй курс театрального училища, ей еще учиться и учиться. Но, по сути, он прав: для того чтобы сняться в кино, диплом совсем не обязателен. Это в театр не возьмут, а в кино – пожалуйста. Если, конечно, удача улыбнется. А улыбается она смелым...

– Пригласят, пригласят... А ну-ка, покажи народу свой топлес!

Он уже не просил, а требовал, как будто вопрос был решен окончательно.

– И в бикини хорошо... – не сдавалась она. – Знаешь, почему бикини так называется?

– Не в тему, – поморщился Олег.

– Как раз в тему! Бикини – это остров такой коралловый. На нем первую атомную бомбу испытали. И женщина в бикини должна восприниматься как взрыв ядерной бомбы, понял?

– Ты, конечно, и в бикини секс-бомба. Но максимум на сто килотонн. А нужна как минимум мегатонна. Давай, Женька, взорвем пипл к чертям собачьим!

– Ты и мертвого уговоришь...

Все-таки не выдержала она его натиска. Избавилась от верхней части купальника, явила объективу свой высокий и упругий третий размер.

– Умничка... Выгни спинку, повернись ко мне боком...

Олег сделал не меньше двух десятков снимков, прежде чем успокоился и попросил ее одеться.

– А напрасно, напрасно! Я бы такую диву так просто не отпустил!

Олег и сам вздрогнул, когда, распахнув приоткрытую до-толе дверь, в студию вошел чернявый парень лет двадцати. Бейсболка задом наперед, ослепительной и какой-то объем-ной белизны тенниска, джинсовые шорты. Лицо треугольное – очень широкий лоб, но слишком узкий подбородок, глаз-ки маленькие верткие – этакие блестящие черные бусинки. Неприятная улыбка самодовольного человека.

– Адам, ты? – на облегченном вздохе наигранно перекре-стился Олег. – Как ты сюда попал?

– Дверь закрывать надо... Вы так были заняты... И как зовут это милейшее создание?

Он смотрел на Евгению с видом работорговца, оценива-ющего качество живого товара. Наглый, самоуверенный и просто омерзительный. Она бы не удивилась, если бы он по-просил ее раздеться догола.

Олег уже понял, что Евгения не хочет говорить с этим вы-скачкой. И ответил сам:

– Женя ее зовут.

– Да это я знаю, слышал, как ты ее называешь... А почему она сама не отвечает?

– А кто ты такой, чтобы тебе отвечать? – пренебрежительно фыркнула она.

– Олежа, где ты такую киску откопал? – весело, но с истеричной ноткой в голосе спросил Адам.

– Откопали тебя, ископаемое!

Парень стоял у нее на пути, и Евгения едва удержалась от желания толкнуть его. Она всего лишь его обошла и скрылась за ширмой.

– Ой-ой-ой! Какие мы важные!

Она не стала менять жестковатый купальник на более мягкое белье. Побоялась, что Адам нагло нарушит ее уединение. Поэтому, быстро сдернув лифчик, сразу же надела кофту.

Когда она вышла из-за ширмы, его в студии уже не было. Олег же смотрел на нее с виноватой улыбкой.

– Ты на него не обижайся, его иногда клинит. Особенно на красивых девушках. А ты супер, это я тебе говорю... Мне за твои фото премия полагается, как только получу, так сразу тебя в кафе приглашу, хорошо?

– Хорошо. Пойду я.

– Иди. И ни о чем не жалея... Как только первый режиссер позвонит, я сразу тебе дам знать...

– Шутник.

Мало знать себе цену, надо, чтобы еще и мнение других ее подтверждало. Евгения знала, что хороша собой, она пользовалась успехом у парней. И даже у фотографов. Неважно, что Олег был ее одноклассником. Он сам упросил ее сняться для журнала, на который работал. Красивая, фотогеничная и даже одухотворенная, как он говорил, девушка. Ей льстило

его мнение. И хотелось бы, чтобы ее действительно заметили и пригласили сниматься в кино... Наверное, так оно и будет. Ведь не зря же она раздевалась почти догола. Смелость должна быть вознаграждена...

В студии было просторно и светло, но чтобы оказаться на улице, нужно было пройти по длинному и гулкому коридору с позеленевшими от сырости стенами. Липкий полумрак, влажный воздух, насыщенный, казалось, холодящими щупальцами клаустрофобного кошмара... Евгения и близко не чувствовала страха, когда шла в студию к Олегу. Но сейчас ей было не по себе. Исчезнувший Адам, казалось, вот-вот выскочит из темной ниши в стене, как черт из табакерки, набросится, собьет с ног...

Но страхи оказались напрасными. Девушка благополучно вышла на залитую солнечным светом площадку перед старым, дореволюционной постройки зданием. Рядом шумела улица – машины, пешеходы.

Все куда-то спешат – едут, полубегут. Никому нет дела до Евгении, и она тому только рада. Скорей бы влиться в общий поток, добраться до станции метро, без пересадок доехать до родных Сокольников. Родители сейчас на работе, можно ходить по квартире хоть голышом, хоть на руках вверх тормашками, никто слова в назидание не скажет... Впрочем, голышом она уже находилась. Фотосессия в стиле топлес. Да и одета Евгения была довольно смело. Белая шелковая кофта с лентами длиной чуть ниже пояса, темно-синие лосины,

босоножки на шпильке. Кофта не прозрачная, но если приглядеться, можно догадаться, что под ней нет лифчика. И кажется, кое-кто к этому присматривается... Адам?!

Евгения вздрогнула, увидев его. Парень стоял в толпе, как на островке посреди реки, люди обходили его, он был для них инородным телом, но ему все равно, что про него думают. Он смотрел на нее сквозь плутовской прищур продувных глаз. В руке мороженое, самое обыкновенное эскимо в обертке из фольги.

– Хочешь? – спросил он, бессовестно глядя на выпуклости под лентами ее кофты.

– Что «хочешь»? – возмущенно спросила Евгения.

– Ну, эскимо.

– Нет.

– А зря. Девочки любят эскимо. На палочке.

– И мальчики любят. Скакать. Верхом на палочке... Скакал бы ты отсюда.

– Злишься? – безмятежно, с терпением ратника, осадившего крепость, спросил он.

– Злятся на тех, кто хоть что-то собой представляет, – пренебрежительно усмехнулась она.

Евгения попыталась обойти его, но Адам схватил ее за руку.

– Я сейчас закричу! – вырвавшись, предупредила она.

– Да ладно тебе...

Он снова протянул к ней руку, но девушка оттолкнула его

и направилась к станции метро. Она умела ходить на каблуках, поэтому шла быстрым шагом.

Из метро она выходила с чувством облегчения. Вроде бы привыкла к подземке, но всякий раз, когда она поднималась на поверхность, казалось, будто многотонная тяжесть сваливалась с плеч. Но далеко не всегда она встречала на пяточке у метро Никиту, родного брата своей школьной подруги.

Никита стоял возле напольной «рогатой» вешалки с простертыми к ней руками. Торжественное и даже в какой-то степени триумфальное молчание, патетичный, преисполненный неземным таинством взгляд. Глянув на него, Евгения чуть не прыснула со смеху, но ее остановила декларативная серьезность в его величественном облике. Молодой парень, дурацкая вешалка, на которую он взирал, как на икону. Ситуация абсурдная, нелепая и даже комичная, но не смешно...

Люди глазели на Никиту с недоумением. Кто-то посмеивался в ус, но до откровенного смеха дело не доходило. Если он хотел привлечь к себе внимание людей, то, похоже, добился этого. Дородная женщина в ситцевой косынке и бородатый мужичок с большими ушами – те и вовсе смотрели на него замороженно, как на божество. А он монументально и царственно молчал...

Никита был достаточно симпатичным для того, чтобы располагать к себе людей. Рослый, спортивного сложения, светловолосый, но даже зимой смуглый, как будто только-только закончился пляжный сезон. Черты лица не совсем

правильные, нос излишне кривой, но это с лихвой компенсировалось его синими глазами и яркой белозубой улыбкой. Но больше всего девчонки млели, когда он начинал говорить. Бойкий язык, быстрая сообразительность при хорошей памяти. Глубокомысленное восприятие жизни при беспечном к ней отношении. И не зря он после школы поступил на философский факультет. Евгения не могла сказать, что знала его как облупленного, но могла голову отдать на отсечение, что номер с вешалкой – это очередной эксперимент, который затеял неугомонный Никита.

Она не стала отвлекать парня, равно как и приковывать к нему свое внимание. Мило улыбнувшись, она пошла дальше.

Адам ждал ее возле самого дома. Одной рукой он опирался о крышу черного «Мерседеса», другой зачем-то придерживал свой подбородок.

– О! Какие люди! – в притворном восторге протянул он.

– Откуда ты узнал мой адрес? – недоуменно спросила Евгения.

Она смотрела на его машину, не в силах оторвать от нее взгляд. В Москве много было «Мерседесов» и прочих иномарок, но все в основном подержанные, малопрезентабельные. А это был новенький, ослепительно сияющий лаком автомобиль. Через опущенное стекло передней дверцы была видна элегантная приборная панель и кожаные кресла. Девушка и представить не могла себя внутри столь роскошной машины...

– Какой адрес? – изобразил удивление Адам. – Просто здесь стою, подругу жду. Смотрю, ты идешь... Не идешь, а пишешь... Может, ну ее к черту, мою подругу, а? Поехали покатаемся? Смотри, какая тачка! Только-только из Германии, совсем новая, еще и года нет...

– Я с незнакомыми парнями не катаюсь.

Евгения поморщилась от собственных слов. Избитая фраза, заезженная. Лучше в машину сесть, чем такое говорить...

– Так ты же знаешь, как меня зовут. А я знаю, как тебя... Разве мы не знакомы? – насмешливо и свысока спросил он.

– Извини, мне домой пора, – неуверенно сказала она.

– Что ты там забыла?

– Мне заниматься надо...

– Чем?... У тебя каникулы...

– Откуда знаешь?

– Знаю. Олежа сказал... Да и не ты одна такая. Сейчас у всех каникулы. И у меня тоже... Да, кстати, можно на море съездить, не хочешь?

– Не хочу.

– А зря. На машине, с ветерком, полторы тысячи километров туда, столько же обратно... Интересно будет, отвечаю.

– Интересно, – кивнула Евгения. – Было бы. Если бы с кем-нибудь...

– А со мной?

– С тобой неинтересно.

– Почему?

Адам смотрел на нее раздраженно, даже со злобой. Но не отступал.

– Странный ты какой-то. Ну не нравишься ты мне, ну же-ли непонятно?

– А машина моя?

– Машина у тебя красивая. Очень... Но при чем здесь твоя машина? – Она уже была близка к тому, чтобы засмеяться.

– У меня еще и квартира своя. На Софийской...

– И что?

– Ты дура или прикалываешься?

Если парень где-то учился, то наверняка в институте. Но изысканностью речи он явно не отличался. Грубый самовлюбленный болван. И его великолепная машина, и даже квартира на Софийской набережной не могли повысить градус интереса к нему. Евгения не хотела его видеть и повернулась к нему спиной.

Он сел в машину, чтобы ехать за ней, но девушка направилась к метро, чтобы скрыться от преследования. Правда, спускаться не стала. Ее внимание снова привлек Никита. Все такой же важный и величественный, он уже не молчал. Он глаголил.

– Люди! Слушайте и не верьте мне, жалкому рабу небес... Я не могу донести до вас истину, которую не в силах познать, поэтому что это глыба, недоступная для человеческого понимания. Я могу только, как вы, смотреть на это древо жиз-

ни... – он снова простер свои руки к «рогатой» вешалке, ритуально замер. – Попробуйте увидеть вокруг этого дерева тихий в своей первозданной красе райский сад. Гляньте, какой глубины небо над его роскошными ветвями. Посмотрите на это прекрасное яблоко... Дивный сад, сочное яблоко, тишь да гладь... Но слышите, слышите... Нет, это не ветер, это не шорох листвы, это ползет по шелковой траве змей-искуситель... Вы не видите здесь Адама и Еву...

Как человек не глупый, Евгения была уверена, что Никита несет осмысленную чушь. Но с каким видом он доносил ее до ушей своих слушателей и даже почитателей, к числу которых добавилась русская женщина в экзотическом кришнаитском дхоти. Его речь звучала как заклинания, завораживала, гипнотизировала. Евгения так заслушалась, что не увидела подкравшегося к ней Адама. Без Евы...

– Но вы должны мысленно представить, как Ева подходит к дереву жизни, как срывает плод, как спускается к ней змей-искуситель... Это не просто дерево жизни, это смысл нашего с вами существования, примитивный, но благообразный слепок с небесного таинства бытия...

Люди слушали Никиту с открытыми ртами. В какой-то момент Евгении показалось, что женщина-кришнаитка падет перед Никитой ниц. И ведь пала. Спустя какое-то время в религиозном экстазе она склонила колени перед «древом жизни», обняла разветвленную подставку, которую он называл не иначе как «корнями земного бытия». Когда к ней при-

соединилась баба в ситцевом платке и лопухий мужичок, даже Никита понял, что пора сворачивать музыку. И Евгения, как оказалось, стала для него спасательным кругом.

– А вот и моя Ева! – ликующе помахал он ей рукой и, растолкав поклонников и сочувствующих, подошел к ней. – Пора есть яблоко!

Он взял ее под руку и вместе с ней широким шагом направился по тротуару. Вышли на дорогу, пересекли ее. Остановились только в сквере. Если не считать Адама, их никто не преследовал.

– Зачем ты бросил свою паству? – насмешливо спросила Евгения.

– Паству?.. Ты знаешь, не думал, что получится так быстро, – усмехнулся Никита. – Двух часов хватило, и уже небольшая, но толпа почитателей. Еще бы пару часов, почитатели перешли бы в разряд приверженцев, ну а от этого до слепого фанатизма один шаг...

– Зачем над людьми издеваешься?

– Это не издевка, это эксперимент... А это кто такой? – настороженно рассматривая нахохленного Адама, спросил он.

– Если я Ева, то это Адам, – усмехнулась она.

– А если серьезно?

– Если серьезно, то его так и зовут, Адам.

– Или это мистика, или я опиумом для народа обкурился...

– Лечиться тебе, парень, надо, – криво усмехнулся Адам.

– А в глаз? – напыжился Никита.

Его угрожающий вид подействовал на парня отрезвляюще. Адам предусмотрительно подался назад.

– Никит, ты бы сказал ему, чтобы проваливал, – попросила Евгения.

– Изыди, сатана! – внушительно громовым голосом произнес Никита и с вершины своего величия осенил его крестным знаменем.

– Мы еще поговорим! – шикнул на прощание Адам.

И направился к своему «Мерседесу».

– Кто он вообще такой? – снисходительно спросил Никита.

– Да проходимец, ваше святейшее высочество, – усмехнулась Евгения.

– Если уже высочество, то еще не святейшее, – усмехнулся он.

– Но ты же к этому стремишься.

– Нисколько... Говорю же, эксперимент был...

Они неспешно направились в сторону парка. Лето, тепло, суета остались где-то позади, у станции метро, впереди приятная сень парковой зоны. И мороженое с Никитой неплохо было бы поесть, и на карусели покататься – почему нет?..

– Народ по натуре своей темный, на любую блажь может повестись. Хотел доказать, что на любую, кажется, доказал...

– Доказал, – улыбнулась она. – Если кришнаитку в свою веру обратил, то с остальными точно справился...

– Да нет, на кришнаитку-то как раз легче всего воздействовать. Если бы это был этнический социум, ну, индианка, впитавшая веру с материнским молоком, тогда можно было бы сказать без ложной скромности, что я великий миссионер. А это русская баба с пустой головой, в которую можно напихать все, что угодно. У нее нет корней, а хочется чего-то глубокого, вечного. Вот она и мечется. То Харе Кришна, то харя моей вешалке... Многие сейчас мечтают по жизни, не зная, к каком берегу прибиться. Любому поверят, кто красное словцо двинуть может... Вера людям нужна. Серьезная, основательная вера в Христа. Вера истины и вера предков. Вот это монолит, вот это основание, такой глыбы никаким красным словцом не сдвинешь... Я тебя еще не утобил?

– Ты диссертацию уже начал писать?

– Нет. А зачем?

– Ну, кандидат философских наук – это же звучит.

– А мне одних звуков мало. Мне нужно так, чтобы в руках подержать... Нет, я, конечно, верю в платоническую любовь... Ничего, что я начал во здравие, а закончил про любовь?

– Я смотрю, настроение у тебя веселое? – задорно улыбнулась Евгения.

Никита был старше ее на два года. Видный парень, праздничный, юморной. Он ей нравился, но тем не менее влюбляться в него она не собиралась. Да и он, судя по всему, был далек от этого.

– Я бы сказал, божественно веселое, – улыбнулся Никита.

И, спохватившись, спросил: – А куда мы идем?

– В парк. Куда ноги несут, туда и идем... Или домой пойдём?

– Домой? – задумался Никита. – А что там делать?

– Вот и я говорю, что там делать?

– На лодке бы хорошо покататься.

– Я «за»!

– Только давай за Каткой зайдём. Она ж меня убьёт, если узнает, что мы без нее катались...

– Давай зайдём, – легко согласилась Евгения.

Она уже месяц не видела свою школьную подругу, хотя жили они неподалеку друг от друга.

Но Кати дома не было. И родителей тоже.

– Странно, была дома... А предки только вечером будут...

– У меня тоже дома никого нет.

– Но у тебя музыки такой нет, как у меня...

– И что у тебя за музыка?

– Если ты хочешь, то тяжелый металлический рок...

– Только этого не хватало!

– Тогда танцевальная. «Ace Of Base», тебе понравится...

Как насчет выпить?

– Ты меня уже и спаиваешь? – развеселилась Евгения.

Она сто раз была в этой квартире и даже сейчас, без Кати, чувствовала себя здесь как дома.

– Ну, если ты от кофе запьянеешь, тогда да...

– Только кофе? А покрепче?

– Есть и покрепче. Коньяк. Но, во-первых, мне самому мало будет...

– А во-вторых?

– И во-вторых, тоже будет мало. Нам двоим будет мало. А так хоть кому-то будет более-менее...

– Тебе?

– Ну не тебе же...

Никита сварил кофе, подал его в гостиную на журнальный столик. Включил музыкальный центр.

– Ты жадный? – задорно спросила Евгения.

Нравился ей Никита. Легко с ним, свободно и очень интересно. И выпить она вовсе не хочет... Но так интересно было бы выманить у него два по пятьдесят потаенного коньяка. Вот что значит заинтриговал.

– Нет, я само бескорыстие.

– Тогда коньяк почему зажал?

– Видишь ли, спиртное оказывает негативное воздействие на женскую печень.

– Да что ты говоришь!

– Что есть, то и говорю... – с очень серьезным видом кивнул он. – И вообще...

Он, казалось, нарочно потянул паузу, провоцируя Евгению на подстегивающий вопрос.

– Что «вообще»? – не выдержала она.

– Поверь, женщины очень заблуждаются в том, что алко-

голь раскрепощает не только их самих, но сексуальность, которой они обладают. И я имею в виду не только сексуальную привлекательность, но и сексуальное влечение, которого женщинам порой так не хватает в общении с мужчинами...

– Что ты несешь? – благодушно возмутилась она. – Какое сексуальное влечение?

– Я говорю не про тебя, в частности, а вообще, – назидательно глянув на нее, менторским тоном сказал он.

Ни дать ни взять профессор сексуальных наук... Евгении было смешно и при этом жуть как интересно...

– И что вы хотели сказать мне вообще?

– Глупо, очень глупо рассчитывать на алкоголь в своем стремлении повысить свое сексуальное влечение.

– Это вы обо мне или в частности?

– И о тебе тоже, – не моргнув глазом кивнул он. – Ты, например... Нет, обойдемся без примеров. Будем говорить беспристрастно и начистоту. И если тебе неинтересно, подними руку и подай мне знак, что ты не хочешь меня слушать...

Евгения даже не шелохнулась. Во-первых, она была заинтригована. Во-вторых, она не боялась откровений, потому что они исходили от человека, которому можно было доверять. В-третьих, Никита так заворожил ее звучанием своего голоса, что ей лень было отрывать руку от подлокотника дивана.

– Ты знаешь меня давно, между нами ничего не было и

быть не могло. Но ты красивая девушка, я симпатичный парень. Мне двадцать один год, тебе девятнадцать. У тебя были мужчины, у меня были женщины. Мы оба знаем, что такое секс...

Она даже не пыталась это отрицать. Первый раз это случилось на студенческой вечеринке в Татьянин день, еще в прошлом году. Игорь ей просто нравился, но уступила она ему только потому, что изрядно набралась... Так что Никита был вдвойне прав. И опыт у нее был, и коньяк действительно вызывает у женщин сексуальное влечение. А потому как он прав, слушать его необычайно интересно...

– Но мы с тобой находимся во власти стереотипов, – авторитетно продолжал он. – Ты для меня подруга сестры, я для тебя брат твоей подруги. Между нами ничего не может быть...

– Почему? – замороженно спросила она.

– Вот я и спрашиваю, почему? – серьезно и важно посмотрел на нее Никита. – И ты это спрашиваешь. У себя. И в поисках ответа ты думаешь об алкоголе, который бы раскрепостил тебя, помог бы найти ответ на твой, и наш, в частности, вопрос... В чем загадка женской психологии? Я много думал над этим вопросом, но не могу утверждать, что дошел до сути. Но все же кое-что я понял... Мужчины не боятся секса, они смело идут навстречу своим желаниям. Почему? Потому что природа не позволит им забеременеть. Другое дело женщины, они сто раз подумают, прежде чем лечь с мужчи-

ной. Хотя, казалось бы, цивилизация позаботилась о способах искусственного предохранения... Вот смотри!

Спокойно, без суеты и похотливых излишеств во взгляде Никита достал из кармана красный пакетик с резиновым изделием. И надо же, она даже не возмутилась. Как будто так и должно быть, как будто иначе – противоестественно.

– Простой и стопроцентный способ избежать неприятностей. Но даже он сдерживает женщину в своих желаниях. И даже если мужчина нравится ей, она все равно не может раскрепоститься. Потому что женская психология заложена в ней самой природой. Секс для нее святое, потому что за ним следует таинство рождения ребенка. А секс ради удовольствия – это греховность, вызывающая чувство стыда. Но это чувство можно заглушить алкоголем, поэтому женщина к нему и тянется... А не надо ничего глушить. На самом деле в сексе нет ничего греховного. Если это чистый секс, если по взаимному согласию, если нет страха за будущее... Или ты думаешь, что секс – это грех?

– Если заниматься им на ветвях твоего «древа жизни», то, возможно, да, – в шутку сказала она.

– Мое «древо жизни» осталось у станции метро, – улыбнулся он. – А мы здесь, на диване. И оба хотим друг друга...

– Ты в этом уверен?

– А ты?

– Не знаю...

Никита был убедителен до помутнения рассудка. И он

действительно был хорош как мужчина. Завораживающие нотки в его голосе ласкали слух, и Евгения чувствовала, что хочет большего. А он мог ласкать и нежить не только словом... У него были женщины, у нее мужчины, они оба знают, что такое секс. И почему они должны чего-то стесняться? Что естественно, то не безобразно.

– А я знаю, что между нами нет препятствий. И алкоголь не нужен, чтобы их разрушать... Расслабься, закрой глаза и почувствуй, как желание наполняет твоё тело...

Евгения закрыла глаза. И почувствовала, как наливается соком. Она была пьяна и без коньяка... Никита мягко обнял ее за плечи, ласково привлек к себе. Он мог делать с ней все, настолько она была возбуждена...

– Может, все-таки по пять капель? – неожиданно и совсем другим, земным каким-то голосом спросил он.

– Можно, – кивнула она, чувствуя, как уходят чары.

Он поднялся, достал из серванта початую бутылку «Белого аиста», две рюмки.

– С кофе хорошо будет.

– Не спорю, – кивнула она, оправляя расстегнутую сверху кофточку.

– И Катька скоро придет, – виновато сказал он.

Она уже поняла, что стала жертвой его очередного эксперимента, который он почему-то не захотел довести до конца.

– Тебе что, не с кем больше играть? – обиженно спросила она.

– Почему играть? – отвел он в сторону глаза.

– Да потому, что жизнь для тебя игра...

– А для тебя весь мир – театр.

– Угадал. И я с тобой играла... Только не подумай, что я повелась. Ты хоть и Катькин брат, но на самом деле меня от тебя тошнит... Все, гуд-бай!

Она уходила от него, как будто спасалась бегством. Ушла, но не совсем понятно, спаслась или нет. Уж точно не было у нее того чувства, которое возникло, когда она избавилась от Адама.

Глава 2

Знакомство с девушками только на первый взгляд кажется несложным занятием. Вроде бы все просто – если есть в тебе наглость, задор и острый язык, смело иди вперед, ломай преграды на своем пути. Способов много, можно начать с самого простого, так называемого метода поручика Ржевского: «Девушка, я вас хочу и буду!» За это можно по морде схлопотать, а можно и сразу под юбку, в самую гущу сексуальных приключений.

Никита знал много других, менее наглых, но таких же эффективных приемов соблазнения. Он многое постиг в науке совращения и не считал ее сложной и уж тем более непостижимой. Но загвоздка в том, что путь к девушке для него начинался с дилеммы: «Надо или нет?» И, увы, не всегда ответ был положительным.

Женщины делились для него на четыре категории. Первая – «столько не выпить». Вторая – «неплохо под пиво». Третья, самая редкая, – «секс, и никаких гвоздей». И четвертая, несуществующая, – «хочу всегда, хочу везде». С первой категорией он и не хотел, и не мог. Со второй – хотел, но не всегда мог. С третьей – и то, и другое с большим, но одноразовым знаком «плюс». Ну а с четвертой – пока пробел, похожий на знак «минус» и тем самым определяющий его порочную суть отношения к женщинам...

– Никита, познакомься, это Белла!

Катя смотрела на него с надеждой на похвалу. Как же, такую красоту ему привела. Как будто он в ком-то нуждался. Да и девушка так себе. Вроде бы симпатичная, вроде бы все при ней, но как ни крути, а более чем «под пиво» не тянет. Впрочем, сегодня у сестры день рождения, вечеринка будет по этому поводу, гости уже собираются. И пиво будет, и водочка...

– Это настоящее имя? – спросил он.

Церемониться с этой дивой не хотелось, но и грубить ей вовсе не обязательно. А ведь он очень близко подошел к черте, за которой начинается бескультурье. Новая институтская подруга сестры не отличалась изысканностью в одежде. Вроде бы и платье на ней дорогое, и летние ботфорты из тончайшей кожи, но выглядела она вульгарно, как ресторанная проститутка. И он ей на это намекнул.

– Почему мое имя может быть ненастоящим? – удивилась она.

– Потому что ты на лермонтовскую Бэлу похожа, – нашелся он. – Такая же тоненькая, большеглазая и пышноволосяя...

Книжная Бэла была еще и черненькой, нерусской. А эта – крашенная блондинка типичной славянской внешности. Вроде бы и хороша собой, но какая-то аморфная... А ведь Печорин любил Бэлу, когда она была дикой. И как она ему наскучила, когда она стала любящей и домашней... Впрочем,

и эта скоро наскучит...

– Вот я и подумал, что ты нарочно так назвалась.

– Нет! – просяла Белла. – Это папа меня так назвал!

– Прекрасно. И я тебя так буду звать, если ты не против.

– Нет.

Она сама прильнула к нему, двумя руками взявшись за его локоть. Прикосновение чувственное и даже электризирующее.

Оказывается, девочка вполне...

– А лет тебе сколько?

– Восемнадцать. А что?

– Я думал, меньше...

Никита врал. Белла выглядела старше своих лет, но это скорее из-за неоправданно толстого слоя косметики. А тело у нее юное, и ручки нежные-нежные...

– Может, пойдем послушаем музыку? – спросил он.

Дешевый зазывающий трюк для начинающих. Но что поделать, если не было у него настроения тратить слова. Да и к чему, если девушка и без того созрела... А если нет, то он сделал все, что мог, для поддержания знакомства. Все, что мог, в пределах своего не самого радужного настроения...

Гости только собирались. Катины подруги, друзья, многих Никита знал лично, но говорить ни с кем не хотелось, и уж тем более развлекать. Поэтому он с удовольствием закрылся с Беллой в своей комнате.

Девушка очень быстро перешла на язык тела. А он был совсем не прочь подтвердить теорию соблазнения, созданную

им путем теоретических и эмпирических изысканий. Не хотелось упускать возможность пообщаться с Беллой на языке прикосновений.

Она легко позволила зарыться носом в свои волосы, гладить пальцами шею и щеки. Значит, девушка готова к поцелую. Так и оказалось. Целовалась она сочно, вылизывающе; немудрено, что Никита почувствовал еще больший прилив сил и настроения... Если девушка позволяет гладить себе живот и спину, значит, ее можно трогать за грудь. Никита еще раз в том убедился на опыте с Беллой, равно как и в том, что после поглаживаний верхней внутренней части бедра девушка готова раздвинуть ноги...

Музыка в комнате играла громко. Катя не могла слышать, как подпевала Белла, но Никиту она встретила осуждающим взглядом.

– Кобель! – тихо сказала она. И уже громче: – Все уже за столом!

И не только Катя смотрела на него осуждающе. За столом он увидел Женю, ее подругу. Красивая, свежая и ароматная, как цвет черемухи. Даже сейчас, после интенсивного знакомства с Беллой, она заслуживала особого внимания с его стороны.

Никита приветливо помахал ей рукой, но Женя, поджав губы, придвинулась к своему кавалеру. Это был тот самый парень, которого он отогнал от нее неделю назад. И какого черта он здесь делает?..

В расстройстве чувств Никита сел за стол, молча налил себе в рюмку водки и выпил бы, если бы не нарвался на отрезвляющий взгляд сестры. Рука с бутылкой потянулась к следующей рюмке, обошла весь стол. А ведь он мог бы выпить и в одиночестве. Что это на него нашло? Неужели из-за Жени?..

А ведь он был очень близок к тому, чтобы уложить ее в постель. Но помешали условности, комплекс, который сложился в их отношениях. Белла тоже была Катиной подругой, но это не помешало Никите распаковать ее. Женя – другое дело, он знал ее семилетней девчонкой. Он мог бы положить ее на диван, но как бы он потом смотрел ей в глаза... Но ведь ее может уложить тот же Адам. Она девчонка взрослая, и опыт определенный наверняка имелся...

Катя пристально смотрела на брата, но он этого не замечал. Белла легонько толкнула его в бок, только тогда он пришел в себя. Родители на даче, сейчас он для Кати ближайший родственник, и ему первому говорить тост. А он сидит как в воду опущенный... И вообще, как Белла оказалась рядом с ним? Она же в комнате оставалась. Он должен был заметить, как она присоединилась к нему за столом. Но нет, задумался, упустил момент...

Никита поднялся, весело, но с отрешенностью во взгляде посмотрел на Катю.

– Ну, за твои шестнадцать лет, сестренка! Удачи тебе, счастья, всего хорошего...

– Ну спасибо тебе, братишка! – с улыбкой, но сквозь зубы

поблагодарила его Катя.

А потом, когда он зашел в свою комнату, к окну, покурить, ущипнула его – сначала пальцами, за ухо, а затем и словом.

– Что с тобой, в Беллу влюбился?

– Смешней ничего не придумала?

– Вспомни, какие ты раньше тосты произносил...

– Да чего тут вспоминать, я и сейчас могу, – пожал он плечами.

Есть, конечно, его вина в том, что настроение упало ниже плинтуса. Но как бы то ни было, вдохновения нет, и пылкие речи отдыхают.

– Ты все свое могу на Белку потратил... Ну ты и кобеляка у меня, братишка.

– Почему кобеляка? Женьку твою не трогал...

– Еще б ты ее трогал. С Женькой – это как со мной, все равно что сестру родную...

– Это ты так думаешь. И меня так думать заставляешь, – раздраженно сказал Никита.

– Кто заставляет? Я?! Эй, что с тобой? Куда тараканы твои бегут? На Женьку?! – удивленно и проясненно посмотрела на него сестра. – Слушай, а ты не влюбился?

– В кого? В Женьку?! – возмущенно протянул он. – Шутить?

– Ну не знаю, не знаю... Может, тебе интересно знать, что за парень у нее?

– Да, хотел спросить, что за морда с ней сидит?

– Прямо уж и морда... Ну, не красавец, конечно. Зато «Мерседес» «четыре́ста двадцатый» свой...

– И что?

– И квартира своя с видом на Кремль... Отец у него крупный чиновник в правительстве.

– Да хоть сам Ельцин, тебе не все равно?

– Ну, ты знаешь, я бы от такого жениха не отказалась. Но раз уж он Женьке достался, она не глупая, она своего шанса не упустит. И правильно делает...

– Я тоже со многими гулял, но ни на ком еще не женился...

– А Женька ему не даст без этого. Я-то знаю...

– Знаешь? Она что, не может просто так?

– Ну, не знаю... Был у нее Игорь, с ним она гуляла. Но у них любовь была. А с этим Адамом какая любовь? Она его терпеть не может...

– Что за Игорь? – вскинулся Никита.

– Тебе не все равно? – ехидно посмотрела на него Катя.

– Да все равно...

– А мне кажется, что нет.

– А мне, например, кажется, что гости без тебя заскучали.

Катя ушла, а Никита остался стоять у открытого окна. Он закурил вторую сигарету, когда в комнату вошла Белла.

– Что делаешь? – спросила она с пикантными нотками в голосе.

Похоже, девушка всерьез считала, что если переспала с

ним, то права на него ей обеспечены. Как будто не знает, что мужчина – как банный лист – сначала клеится, а потом смывается.

– Стою на своем... Оказывается, это больно, – усмехнулся Никита и сел на подоконник.

– Пошляк, – улыбнулась она.

– Эротический шутник.

Белла подошла к Никите, положила руки ему на колени, обласкала его чувственным взглядом.

– А мне понравились твои шутки. Поехали ко мне? У меня родители тоже на даче...

– Мне твои шутки тоже нравятся...

Не хотел он с ней никуда ехать. Вот если бы к Жене, вместе с ней и без Адама.

Женя как будто почувствовала, что Никита подумал о ней. Вошла в комнату.

– Ой, я, кажется, некстати, – язвительно улыбнулась она.

– Да нет, кстати...

Никита отпрянул от окна, чуть ли не силой оттолкнув от себя Беллу. Не позволил Жене уйти, взял ее за руку, посадил в кресло под карикатурный портрет Козьмы Пруткова.

– А мы здесь с Беллой путешествуем, – выдавливая из себя веселье, сказал он.

– Это как? – вымученно улыбнулась Женя, не без ревности глянув на Беллу.

В этот же момент в комнату вошел Адам, которого сюда

никто не звал. Но ему было все равно, приглашали его или нет. Похоже, он везде привык чувствовать себя как дома. Он молча подошел к Жене, встал возле ее кресла, как страж подле своей собственности.

Никита попробовал определить его психологический тип. Похоже, темперамент у него флегматический. Среди знакомых он, скорее всего, активный и разговорчивый, но в чужой для него компании он предпочитает молчать и наблюдать. Но стеснительным человеком его никак не назовешь. Нехороший у него взгляд, и губы неприятно искривлены. Недобрые мысли бродят в его голове. Такой тип, как у него, характеризуется малой подвижностью нервных процессов. Но это вовсе не значит, что парень тяжел на подъем. И сами эти процессы отличаются постоянством и силой. Если Адам задумал какую-то подлость, он не отступится от своих планов, обязательно доведет их до конца... Неприятная личность. Не хотел бы Никита иметь в друзьях такого человека.

– На Земле кружимся, вокруг Солнца, – продолжал он. – Скорость, кстати сказать, приличная. Что-то около ста тысяч километров в час...

– На Земле? – хмыкнул Адам. – Вокруг Солнца?! Ну ты и клоун... Да мы с Женей лучше на «мерсе» поедem, на двести в час...

– Кого ты клоуном назвал? – не сразу, но слишком решительно отреагировал Никита.

Сам он был сангвиником. Подвижный, сильный и в обыч-

ной обстановке уравновешенный. Но в таких случаях, как сейчас, он не мог ничего с собой поделаться. В данный момент он повел себя как типичный холерик, у которого процесс возбуждения преобладал над слабым торможением.

Не давая Адаму и рта раскрыть, он схватил его за грудки, с уходом в сторону резко потянул на себя. Парень с разгона влетел в противоположную стену, стукнулся о нее плечом, но равновесие удержал.

– Ты, удад!

Обозленный, он бросился на Никиту, но тот встретил его серией не очень сильных, но ошеломительных ударов. Он бил кулаками в лицо, пока Адам не схватил его за руки, затем за шею. Они упали, покатались по полу. В комнату вбежали Катины друзья, растащили их по углам.

– Мы с тобой еще поговорим, козел! – пригрозил Адам.

И убрался, не дожидаясь, когда Никита получит возможность снова дотянуться до его физиономии. Он пытался увести с собой и Женю, но девушка заупрямилась.

Вечеринка продолжалась, но уже вяло. И, как итог, гости разошлись раньше времени. Остались только Женя и Белла.

– Ну что, доволен? – остервенело спросила Катя. – Это ты всех разогнал! Сначала ходил с недовольной репой, а потом еще и подрался...

– А нам и без того хорошо. Правда, девчонки?

Никита не упустил возможность сесть на диван за накрытым столом между Женей и Беллой. Он обнял за плечи обе-

их, но первая отстранилась и отодвинулась.

– А пойдём на дискотеку в клуб, – предложил он. – Я плачу.

– Ты на себя в зеркало глянь, – съязвила Катя. – У тебя ж фингал на полвывески...

Никите не нужно было подходить к зеркалу, он и без того знал, что у него с лицом. Когда с Адамом на пол падал, об угол стола стукнулся. Шишку он разогнал куском замороженного мяса, но синева все равно под глазом разлилась. Действительно, куда ему в таком виде на дискотеку.

– Может, лучше ко мне пойдём? – спросила Белла тихонько, но Женя ее услышала.

– Все вместе?

– Нет, вдвоем...

– Да вы идите, идите... – презрительно усмехнувшись, сказала Женя. – Или лучше я пойду. У вас тут без меня хорошо получалось...

Поднялась со своего места, подошла к двери, немного постояла и вдруг резко повернулась к Никите. Он ожидал увидеть в ее глазах досаду, но нет, она улыбалась ему по-приятельски безмятежно. Она всего лишь подруга его сестры и на большее претендовать даже не хочет.

– Пока!

– Чао!

Никита не пошел ее провожать. В конце концов, у него есть гордость. Да и не в его это правилах бегать за женщина-

ми. К тому же ничего такого и не произошло. Ушла, и ска-
тертью дорога. Пусть катится к своему Адаму, а он найдет,
с кем зажечь.

– Как говаривал старина Конфуций, баба с возу, китайцам
легче...

Рука сама потянулась к бутылке. Никита наполнил рюмку
до краев и торопливо выпил. Алкоголь – отличный раство-
ритель, в нем хорошо топить дурные мысли...

* * *

Адама не было два дня. Евгения уже надеялась, что боль-
ше не увидит его. Но нет, явился – не запылится. Белый, пу-
шистый, навороченный от «аз» до «ять». Одеколон у него
дорогой, но аромат... Лучше бы он огуречным лосьоном
сбрызнулся, и то приятней бы пахло. А еще лучше, если бы
он вообще не появлялся.

Он позвонил ей, назначил встречу. Она пришла к нему в
летнее кафе неподалеку от дома. Адам сидел за столиком с
кислой миной на физиономии.

– Ты чем-то недоволен? – спросила она, присаживаясь.

– Да кафе дерьмовое... – еще сильнее сморщился он.

– Ну, какое есть...

– Ты что, обиделась? – удивился он. – Как будто это твое
кафе... А хочешь, оно будет твоим?

– Зачем это мне?

– Ну, зачем, это дело десятое. Важен сам факт обладания... Представляешь, у тебя будет свое кафе.

– И что мне с ним делать? – недоумевала Евгения.

– Да какая разница, что? Ты лучше спроси, как оно может стать твоим!

– Как?

– Я его куплю. Для тебя.

И без объяснений было ясно, что у Адама богатый отец. Иномарка, квартира в престижном районе. Но парень был помешан на своей престижности и уже успел прожужжать ей все уши, что его предок работает не абы где, а в правительстве столицы. Правда, не уточнял, чем он конкретно занимается, видимо, источник его благополучия сложно было назвать законным. Но козырять своим финансовым благополучием Адам не уставал. Похоже, он свято верил, что за деньги можно купить любую девушку. А Евгения была не прочь доказать ему обратное. Не нравился ей этот самовлюбленный болван и не хотелось с ним встречаться.

И тем не менее она пришла с ним на день рождения к подруге. Правда, сделала это скорее для того, чтобы хоть немного позлить Никиту. Он так обидел ее накануне – распалил, но не сжег... Но позлиться пришлось ей самой. Никита набрался наглости уединиться с очередной красоткой в своей комнате, когда гости уже были в сборе. И так они там зажигали... Как это иногда случается, праздник закончился дракой. Никита сцепился с Адамом; тот, обидевшись, ушел.

И лучше бы он пропал вовсе...

– Мне кафе ни к чему, – покачала головой Евгения. – Я актриса, если ты помнишь. Мое призвание – сцена.

– Или большой экран, – ехидно усмехнулся Адам.

Он не стеснялся выражать свое сомнение по поводу ее грядущих успехов на киноэкране.

– А почему нет? – недобро посмотрела на него Евгения.

– Кино сейчас в большом загоне. А если снимают, то какую-нибудь ересь...

– Кино, чтоб ты знал, призвано отражать реальную действительность. И если в стране у нас ересь, то на экранах то же самое...

– Я не о том. Молодой актрисе в кино так просто не пробиться. Или деньги нужны, или с режиссером переспать...

Евгения колко усмехнулась. Она знала, как уязвить Адама.

– Надо будет, пересплю...

– Что, правда?

Он возмутился и похотливо возбудился одновременно. На него противно было смотреть.

– Я еще не актриса, я только учусь. И рано говорить о том, чего не должно быть, – покачала она головой.

– А если предложат?

– Не доставай меня, не надо... Говори, что тебе нужно, и я пойду.

– Куда ты пойдешь? – насупился он.

– Разве я должна перед тобой отчитываться?

– К этому пойдешь? Никита его зовут, да?

– Почему я должна к нему идти? Он брат моей подруги, между нами ничего нет...

– Как будто я не видел, как ты на него смотрела.

– Как я на него смотрела?

– Да как на икону...

– Допустим, он мне нравится. И что?

– Да нравится, нравится...

– Не лезь в это дело, не надо. Один раз ты по морде получил. Получишь и еще раз.

– От кого? От него?! – презрительно скривился Адам. – Да одно только мое слово, и с ним знаешь, что сделают...

– Что? – пристально и с тревогой посмотрела на него Евгения.

– Ноги повыдергают. Вместе со всеми пальцами...

– Только попробуй!

– А поехали со мной, и ничего ему не будет! – возбужденно потребовал он.

– Ты что, шантажировать меня собрался? – оторопело спросила она.

– Нет... Шантаж – это когда вымогают. А я хочу тебе свою квартиру показать. Посмотришь, как у меня там классно, сразу расхочешь к этому бегать...

– Я к нему не бегаю... И к тебе не поеду.

– Почему?

– Страшный ты. И злой.

– В каком смысле страшный?

– Во всех...

– Ты хочешь, чтобы твоему Никите ноги переломали?

– Не надо меня шантажировать. Ты хоть и страшный, но я тебя не боюсь... И что с Никитой будет, мне наплевать. Достал ты меня!

Евгения очень надеялась, что это будет последний ее разговор с Адамом. Вдруг он одумается и поймет, что ему с ней ничего не светит. Должна же у него быть хоть какая-то гордость...

Глава 3

Олег позвонил ровно через две недели после фотосессии.

– Могу тебя обрадовать, твои фото в наборе, для сентябрьского номера... Но уже поступило предложение, – торжественным голосом сообщил он.

– Какое предложение? – затаив дыхание, спросила Евгения.

– Как какое? Режиссер тобой заинтересовался. Помнишь, я же говорил, что так и будет. Считай, что это случилось.

– А какой режиссер?

– Пока только ассистент режиссера. Он через час будет у меня в студии. Успеешь?

– Постараюсь.

– Нет, стараться мало, надо успеть. Он ждать не будет...

В студию к Олегу она спешила, как на поезд в светлое будущее. Даже причесаться и накраситься толком не успела. Не опоздала, более того, прибыла раньше времени. Но ассистент режиссера был уже на месте.

Это был паренек лет двадцати с чересчур изящными для мужчины чертами лица и капризным ртом. Прилизанный, лощеный, нос напудрен, ресницы чуточку подкрашены. И одет аляписто – ядовито-зеленая рубашка, белые в тонкую черную полосу брюки. На груди на золотой цепи крупный кулон из темного серебра в форме паука. Если бы не серьез-

ный взгляд и предельно сосредоточенное лицо, его можно было бы назвать клоуном. Звали его Геннадий.

Он внимательно осмотрел Евгению с видом купца, выбирающего рабыню для своих нужд.

– Хорошо, очень хорошо... Прочитать что-нибудь сможете?

– Что именно? – взволнованно спросила она.

– Ну, басню Крылова, например. Любую, на выбор... Или вы ничего не знаете?

– Почему же не знаю. Знаю!

Удивительно, но Евгения волновалась сейчас даже больше, чем на вступительных экзаменах в училище. Но басню «Ворон и Лисица» прочла на хорошем уровне, с вдохновением и без запинок.

– «Ворон и Лисица», «Ворон и Лисица» – в философском каком-то раздумье туманно проговорил Геннадий. – Хорошо. Очень хорошо... И главное, актуально. И роль для тебя, Женя, есть, но сможешь ли ты смахнуть ее с блюда...

– Если клювом щелкать не будет, то сможет, – усмехнулся Олег и почему-то отвел в сторону взгляд.

– Не будет. Мне кажется, не будет... Молодой человек, мне кажется, мы вам мешаем работать, – спохватившись, деликатно предположил Геннадий.

– Да нет, нормально все...

– Но в любом случае нам уже пора... Женя, если вы не возражаете, мы поедем с вами к режиссеру. К сожалению,

у него ангина, он сейчас у себя на даче. Но поскольку вы будете пробоваться на главную роль, он обязательно вас примет...

Геннадий посадил ее в свою вишневую «девятку» и повез за город. Евгения была так возбуждена, что не обращала внимания на дорогу. Она будет сниматься в кино! В главной роли!! Если, конечно, ее утвердят. Но она будет стараться, она покажет все, на что способна. Пусть у нее всего два курса театрального за плечами, но ее талант уже достаточно ограничен для того, чтобы сверкать, как бриллиант на солнце.

Машина ехала по дачному поселку. Участки большие, дома старые, деревянные, но помпезные, с претензией на «совковый» аристократизм; садовые деревья вперемешку с лесными. Но Евгения не замечала этих красот приусадебной природы. И очнулась, лишь когда машина остановилась перед большим бревенчатым домом с широкой террасой на втором этаже. Двор запущен, трава в половину человеческого роста, яблони не ухожены, ветви разросшегося дерева опасно клонятся к потемневшей от времени крыше дома. Ясно, что хозяин – человек творческий, нет ему дела до каких-то там бытовых мелочей.

Евгения ожидала увидеть знакомое по телевизионным передачам лицо. Но в холле дома ее встретил очень молодой и совершенно неизвестный ей режиссер. Геннадий обратился к нему с почтением, по имени-отчеству. Алексей Владимирович.

– Ух ты ж какая красота! – Режиссер бесцеремонно взял Евгению за руки; ничуть не опасаясь причинить ей боль, крутанул вокруг себя, как неловкий кавалер свою партнершу по танцу.

– Что скажешь, Гена? – продолжая рассматривать ее, спросил он у своего ассистента.

– Как на духу? – нехорошо поморщился Геннадий.

– Да, мне очень важно знать твое мнение...

– Если честно, мне Маша больше нравится.

– Машка? – неожиданно вспыхнул Алексей Владимирович. – Да Машка и мизинца ее не стоит!

И, успокоившись, спросил:

– Ты спал с Машкой? Признайся, что спал?

Евгения не знала, кто такая Маша. Но поняла, что речь идет о ее конкурентке и об интимных казусах, с нею связанных.

– Это не имеет значения, – мотнул головой ассистент.

– Да нет, дорогой мой, имеет!.. Вот я сейчас возьму и пересплю с прекрасной Евгенией, и тогда твоя Маша близко к съемочной площадке не подойдет... Пошли, Женя, в спальню, оставим этих сластолюбцев с носом.

Евгению ошеломил столь четко расписанный по нотам фарс.

– Не надо в спальню, – возмущенно мотнула она головой.

– Ну как не надо? – удивился режиссер. – Наше кино начинается с постельной сцены, я обязан проверить тебя в де-

ле... Пройдешь пробы, будет тебе роль. Нет – извини...

– И что за фильм вы снимаете? – в недобром предчувствии спросила она.

Надо же быть такой балдой, чтобы сунуться черт знает куда в то время, когда вокруг полно аферистов, маньяков и просто извращенцев. Хотя бы спросила, в каком фильме и на какую роль ее собираются утверждать.

– Любовный. «Ромео и Джульетта». По пьесе Шекспира. Знаешь такого?

– И Шекспира знаю, и пьесу его тоже. Но она не начинается с постельной сцены.

– В нашей интерпретации пьеса начинается именно так. «Ромео и Джульетта» на современный лад. У него белошвейка для души, у нее кучер для тела. Не зная, что такое любовь, они бессовестно предаются разврату, но потом влюбляются друг в друга, и уже больше не нужны им ни белошвейка, ни кучер. Но белошвейка Монтекки и кучер Капулетти против их любви, они строят козни. В этом и состоит интрига моего фильма... Ну а в конце еще круче. Ромео и Джульетта не выдерживают изнуряющего секса и умирают в объятиях друг друга...

– Это шутка такая или сценарий порнографического фильма? – холодея от страшной догадки, спросила Евгения.

– Зачем нужна порнография, если есть более прекрасный и возвышенный эротический жанр. «Ромео и Джульетта», мягкая эротика... Сниматься, детка, будешь без трусов, но

ниже пояса тебя показывать не станут, – глумливо, с демоническим проблеском во взгляде улыбнулся «режиссер».

– Я не хочу сниматься. Я хочу домой!

Евгения повернулась к нему спиной, но «ассистент» преградил ей путь.

– Сначала съемки, а потом домой, – хищно усмехнулся он.

– Ты же актриса! А настоящей актрисе все равно, в каких фильмах сниматься!

Она узнала этот голос. Адам?! Он-то что здесь делает?

Он спускался по лестнице с важным и снисходительно-насмешливым видом третейского судьи, которому решать, быть унижительным съемкам или нет.

– Адам, что здесь происходит? – в надежде на помилование обратилась к нему Евгения.

– Как что? Сбывается твоя мечта, – измывательно хмынул он.

– Это ты все подстроил? – чуть не плача спросила она.

Сама должна была догадаться, что Адам не оставит ее в покое. И Олег Коготков мог подыграть ему, что, собственно, он и сделал. Это Адам вырыл для нее яму, а его дружки ее туда загнали. Их трое, и нет никого рядом, кто мог бы им помешать. Евгения остро осознавала, что она целиком во власти привыкших к безнаказанности мажоров.

– Не подстроил, а устроил. Ты же хотела сниматься в кино. И с режиссером хотела переспать... Я буду твоим режиссером...

– Но я не хочу сниматься.

– А ты уже снялась, сучка! – презрительно скривился он. – Ты что, думала, с лохом связалась? Козью морду мне делала. Думала, что я стерплю? Нет, прогадала ты, детка! Пора исправлять свои ошибки...

– Я ничего такого не делала. Я хочу домой...

– Сначала съемки, а потом домой... Гена, камеру!

«Ассистент» вышел из холла, но скоро вернулся с видеокамерой в руках.

– Не надо, – Евгения была близка к истерике.

– Раздевайся, – потребовал Адам.

– Я не могу!

– Перед Олежей раздевалась, а передо мной не можешь?

– Раздевалась, но для журнала...

– А это для кино!

– Это не кино, это порнография!

– Сама ты порнография!

Адам резко подался к ней, руками схватил за ворот кофты, сильным движением разорвал ее на две части. Евгения очень пожалела, что оставила бюстгальтер дома.

– Шлюха ты! – в бешенстве заорал на нее Адам. – И только попробуй сказать, что это не так!

– Пусть дальше раздевается, – дрожащим от возбуждения голосом попросил «ассистент».

– Какие же вы сволочи! – закрывшись руками, простонала Евгения.

Но это лишь еще больше распалило Адама.

– Заткнись!

Он наотмашь ударил ее раскрытой ладонью по лицу. Может, и не со всей силы, но Евгения не смогла удержаться на ногах.

Она упала, а «режиссер» и «ассистент» схватили ее за руки-ноги и потащили в спальню на второй этаж. Она сопротивлялась, но слишком крепко держали ее насильники.

В спальне она оказалась на кровати. Здесь Адам ударил ее по ушам сложенными в пригоршню ладошками. Она оглохла и на какое-то время выпала из реальности. Когда пришла в себя, Адам уже бросал на пол ее трусики. Она попыталась вырваться из-под него, но не хватило сил.

– Еще раз дернешься, убью! – пригрозил он, показав ей кулак.

Евгения зажмурилась. Она очень боялась, что этот подонок сломает ей нос. Кому она потом будет нужна с таким дефектом...

– Адам, ну давай по-хорошему! – взмолилась она. – Только ты и я...

– По-хорошему?.. По-хорошему давай!

Он махнул рукой, выгнав своих дружков из комнаты. Взял со стола бутылку «Амаретто», свинтил пробку, наполнил стакан до краев.

– Пей! – потребовал он. И с кривой усмешкой добавил: – Чтобы хоть какое-то удовольствие получила...

– Будешь ласковым, будет и удовольствие, – через силу улыбнулась она.

Будь ее воля, она бы убила этого мерзавца. Но не могла она этого сделать, поэтому приходилось выкручиваться. Пусть лучше она окажется под ним одним, чем еще и под его дружками. Пусть из трех зол будет всего одно, и чтобы без видеокамеры... А от ликера она отказываться не стала. Удовольствия она все равно не получит, но спиртное поможет сгладить мерзость ощущений.

Она еще не успела захмелеть, а он уже втиснулся между ног.

– Может, еще выпьем? – спросила она в надежде хоть на чуть-чуть оттянуть момент.

– Хватит с тебя!

Адам оказался прав. Хмельное ударило в голову, Евгения сильно запьянела, и это позволило ей представить на его месте Никиту.

Адама надолго не хватило. Он отстранился от нее, а она уже, казалось, не могла встать – настолько хмельным оказался ликер. Еще до того, как в комнате появился «ассистент», она успела понять, что в напиток подмешана какая-то гадость.

Она плохо соображала, у нее не было сил подняться, не говоря уже о том, чтобы оказать сопротивление раздевающемуся Гене. Но и желания принять этого ублюдка тоже не было.

– Вы... Вы за это заплатите... – в ужасе пробормотала она, понимая, что ей придется иметь дело со всей троицей.

– Заткнись, шалава! – прикрикнул на нее разгоряченный Адам.

«Ассистента» могли остановить ее слезы, ручьями катившиеся по щекам. Но парень лишь презрительно усмехнулся.

* * *

О том, что произошло с Женей, Никита узнал от сестры, и то случайно. Она жаловалась Кате по телефону, та ее утешала. А он подслушал.

Он не постеснялся прижать сестру к стенке.

– Давай колись! Что с Женькой?

– Что-что, изнасиловали девчонку... Как знала, что это добром не закончится.

– Кто?

– Да этот, Адам... Она с ним разругалась, встречаться не хотела, а он отомстил. Через Коготкова ее вытянул, тот сказал, что ее в кино снимать собираются, она, дура, клюнула... В общем, сняли девчонку, что называется, на троих... Она заявление в милицию написала. Все правильно, пусть теперь Адам женится на ней...

– Она хочет, чтобы он на ней женился?

– Нет, она-то как раз этого и не хочет... Но ему же надо как-то выкручиваться. Или женится, или хотя бы денег

даст...

– Де-енег! – передразнил сестру Никита. – У девчонки горе, а она уже барыши подсчитывает.

– Так не мои барыши, чужие.

– Коготков, Коготков, знакомая фамилия.

– Олег Коготков, наш одноклассник. Он сейчас модный фотограф. Раньше цветочки-бабочки на свой «ФЭД» щелкал, а сейчас фотомоделей снимает. И Женьке фотосессию сделал, сказал, что в журнале покажут... Ее снял, а меня нет. Она красивая, фотогеничная, как будто я с бугра, – грустно улыбнулась Катя.

– И где он живет?

– Кто, Коготков? Да в нашем квартале, тут идти три минуты... А зачем тебе? – всполошилась сестра.

– Да про фотосессию поговорить с ним хочу.

– А может, об Адаме хочешь поговорить? – догадалась она.

– Неважно... Где он живет, адрес?

– Не связывался бы ты с ними! Он же мажор, тебя же по стенке размажут!

– Не размажут... Раз ему морду набил, и ничего. И второй раз набью, и третий...

– Я не дам тебе адрес!

– А я говорю, дашь!

Требовательный тон не убедил Катю, тогда Никита перешел на увещательный. Он умел расслаблять женское со-

знание и сейчас добился своего.

Но до Олега Коготкова он так и не добрался. Во дворе его дома он увидел черный «Мерседес», возле которого, пятой точкой опершись на капот, стоял Адам. И с ним еще какой-то молодчик в яркой оранжевой рубашке и с гривой осветленных волос.

Никита готов был растерзать подонка, но ему не хватило запала. Приблизившись к Адаму, он вдруг понял, что ему не хватает решительности. Во-первых, парень мог дать ему сдачи, поставить новый синяк на месте сошедшего старого. Во-вторых, его мог поддержать крашенный клоун.

Но и назад Никита повернуть не мог.

– Ну ты и чмо! – выплеснул он в лицо Адаму.

– Опля! Вспомнишь козла, он и прискачет! – язвительно ухмыльнулся тот.

– Козел – это ты!.. Как ты мог, тварь?

– Что мог?! С Женькой?! – догадался подонок. – Как она могла, так и я мог... Да, Генка, скажи, как эта сучка зажигала!

– Заманала всех! – с радостью подтвердил крашенный. – Мы ей хватит, говорим, а она – давай, давай. Мало, мало...

– А ты не знаешь, что у Женьки бешенство матки! – похабно гоготнул Адам. – Шлюха она конченная! Пусть спасибо скажет, что мы ее поймали...

– Спасибо!

И все-таки потухший было запал сработал. Не стоило

Адаму наговаривать на Женю. Но он допустил ошибку, и, распалившись, Никита все-таки ударил его кулаком в челюсть. Когда-то давно он занимался боксом, а тут еще праведная злость... Адам упал на землю, перекувыркнувшись через капот.

– Ты что, дикий? – испуганно, но с гонором неприкасаемого князька взвыл его дружок.

Никита бить его не стал. Достаточно было показать ему кулак, чтобы загнать в машину.

Со двора Никита уходил с видом победителя. Он как мог, так и отомстил за Женьку. А она сама уж пусть решает, прав он был или нет.

* * *

Усатый дознаватель с лысеющей головой смотрел на Евгению с бессильным сожалением.

– На твоём месте, девочка, я бы забрал заявление, – но голос его звучал уверенно и даже жестко.

– Но вы же не на моём месте...

Ей неприятна была эта кутерьма вокруг своей персоны. Может, она и правда сглупила, что подала заявление в милицию. Но его приняли, она уже прошла унижительную процедуру в судмедэкспертизе, получила заключение, что половой контакт имел насильственный характер. Поздно уже останавливаться. Да и не хотела она, чтобы подонки ушли

от наказания. И мать с отцом настаивали на том, чтобы она довела дело до конца.

– Володарцева, я тебя прекрасно понимаю. Тебя изнасиловали, ты жаждешь справедливости...

– Только я жажду справедливости? – перебив дознавателя, спросила Евгения. – А вы?

Уж очень ей не нравился этот заковыристый тип с масляным взглядом. Она подумала, что, пригласи его Адам стать четвертым в тот роковой для нее день, он бы не отказался.

– Ну конечно же и я хочу, чтобы преступникам воздалось по заслугам, – поморщившись, как будто через силу сказал он. – Но, если честно, я беспокоюсь за тебя... Ты знаешь, кто такой Адам Потапов?

– Подлец и насильник.

– Да, но его отец уважаемый человек. И поверь, он очень не хочет, чтобы его сын садился в тюрьму.

– А я очень не хотела, чтобы его сын меня насилдовал. Но ведь это случилось...

– А ты уверена, что был факт насилия? – хлестко спросил дознаватель.

– Уверена.

– А может, все было несколько иначе. Возможно, ты сама спровоцировала ситуацию.

– Может, вы еще скажете, что я сама изнасиловала и Потапова, и Быкова, и Заречного?

– Ну нет, это вряд ли... Но ты могла по доброй воле усту-

пить Потапову. Ну а потом, в порыве страсти, так сказать, переключиться на Быкова...

– В порыве страсти?! – взбеленилась Евгения. – Скажите, вы дознаватель или шут гороховый?.. Извините, я не хотела вас обидеть...

Она и сама поняла, что переборщила. Но слово уже вылетело.

– Да я не обижаюсь, – уязвленно посмотрел на нее дознаватель. – Профессия не позволяет обижаться... В общем, если вы настаиваете, решение о возбуждении уголовного дело по факту вашего изнасилования будет принято, дело передадут в прокуратуру, будет следствие. Но прежде чем принять решение, я должен предупредить вас, гражданка Володарцева, что в России не существует программы защиты потерпевших и свидетелей. Мы не можем приставить к вам охрану, а я не исключаю морального или даже физического воздействия со стороны родственников обвиняемых. Конечно, если такие факты будут иметь место, вы должны будете сообщить об этом в правоохранительные органы, где вам обязаны будут помочь. Но... Вы же не с Луны свалились, Евгения Павловна, и прекрасно знаете, в какой стране вы живете... Еще раз подумайте, стоит вам ввязываться в это дело или нет? Может, лучше передумаете? Зачем вам дурная слава?.. Тем более что еще можно забрать заявление, а после того как дело передадут в прокуратуру, будет поздно повернуть назад...

– Я вас внимательно выслушала. Но я не стану забирать

заявление.

Евгения и сама понимала, что впереди ее ждут изнурительные беседы, допросы в прокуратуре, ей предстоит дать обвинительные показания в суде. Нудно все это, муторно и унижительно. Но у нее не было ощущения, что она совершает ошибку.

Глава 4

Адам знал, как воздействовать на отца с наивысшим коэффициентом полезного действия. Поэтому он нагрянул к нему в отдельный кабинет ресторана, где тот обедал со своей новой пассией. Выследил его и нагло вторгся на его личную территорию. У белобрысой красотки вздыбился бюст от возмущения, а у отца отвисла нижняя челюсть.

– Адам?! – ошалело протянул он.

Раньше он был занюханным чиновником в райисполкоме, но фортуна забросила его в более высокие сферы, на более крутую должность. Он был одним из немногих бонз, кто стоял у руля приватизации. Ни один прокурор не знает, сколько денег прошло через его руки, и не счесть, сколько их осело в сановном кармане. Приосанился батя, раздухарился, купил костюм за три тысячи баксов, завел себе молодую любовницу. И охрана у него – внештатная, за свой счет, но достаточно эффективная, если до сих пор он жив, здоров и по бабам ходок.

– Да все нормально, отец... Как зовут? – нахально спросил Адам, обращаясь к его подружке.

– Вероника, – оторопело глянув на отца, нехотя ответила та.

– Не кисло выглядишь, Вероника. Грудь своя или силикон?

– Своя! – краснея, в смущении кивнула она.

– Адам! – возмущенно призвал его к порядку отец. – Что ты себе позволяешь?

– Ну, я же не спрашиваю, что позволяешь себе ты...

Адам точно знал, что отец во многом зависит от матери.

Пусть она не молода и не такая красивая, как прежде, но на ее имя зарегистрирована фирма, процветающая благодаря стараниям влиятельного мужа. И если она узнает про любовницу, то ему несдобровать.

– Нахал!

– Ну, отправь меня в тюрьму, на перевоспитание! – ухмыльнулся Адам, усаживаясь на свободное место за столом.

Есть он не хотел, но ягоду с виноградной грозди сорвал.

– Хватит!.. Вероника, если позволишь, я бы поговорил с этим бедокуром, – посмотрел на свою любовницу отец.

Красотка взяла ключи от машины, глянула на Адама с недовольством, замаскированным под смешливую улыбку, и, вихляя бедрами, вышла из кабинета.

– Нашел время, когда приходите, – осуждающе покачал головой отец.

– Ну почему же, она правильно выбрала время. Почему бы не пожрать на халяву? Откуда она, из Мухосранска?

– Разговор не о ней, разговор о тебе... В тюрьму ты не пойдешь, это я тебе обещаю. И ареста не допущу...

– Ареста?

– Да, дело уже в прокуратуре. И прокурор в любое вре-

мя может выдать постановление на твой арест. А ты как думал? Сунул, плюнул и трава не расти?.. Неужели по-хорошему нельзя было?

– Да она сама так хотела. Нажралась, тварь, и в постель всех потянула... Она замуж за меня хочет, неужели не ясно? Ждет, когда я с поклоном к ней приду!

– А ты вообще к ней подходил?

– Еще чего! – фыркнул Адам.

– А я подходил... Красивая девушка. И замуж она за тебя не хочет...

– Красивая... В гробу я таких красавиц видал...

Не так давно Адам думал, что влюблен в Женю, но сейчас думал о том, как можно глубже втоптать ее в грязь. Не зря говорят, что от любви до ненависти всего шаг...

– Сколько она хочет? – озлобленно спросил он.

– Чего? Денег?.. Не хочет она денег...

– Значит, мало предложил.

– Мне лучше знать, сколько предлагать, – нахмурился отец. – А ты думай, как жить дальше?

– Как дальше жить? Нормально буду жить. Ты меня отмажешь.

– А если не получится?

– Ты же сам только что сказал, что в тюрьму я не сяду...

– Сказал... Еще раз поговорю с твоей Женей. Она девушка неглупая. И актриса. Или нет?

– Порнозвезда, русская Чичолина, этио...

– Прекрати. С отцом разговариваешь, а не со своими друзьями... Знакомый режиссер у меня есть, думаю, можно сделать предложение, от которого она не сможет отказаться...

– Давить ее надо, топить... – скривился Адам. – Нечего с ней церемониться... Шлюха она. Еще и целку из себя корчит, аж противно...

Он достал из-за пазухи пакет с фотографиями, бросил отцу.

– Что это?

– Порномодель готовится к съемкам в очередном фильме, – пренебрежительно хмыкнул Адам.

Фотографии он взял у Олега Коготкова. Женя в купальнике, Женя топлес... Хороша, сучка. Но пусть ее красоту сожрет злобная старуха-тюрьма. И он свою гордыню потешит, и она никому не достанется.

Фотоснимки произвели на отца впечатление. Он еще раз убедился, что Женя достойна его кобелиного внимания. Но у Адама был способ воздействовать на него, и он обязательно к нему прибегнет.

– И что это доказывает? – спросил отец.

– А то, что эта недотрога еще та шлюха... Она уговаривала нас сняться с ней в порнофильме, – нагло соврал Адам.

– Врешь ведь.

– Нет!.. И еще у Лешки скоро день рождения.

– При чем здесь это?

– Да при том!.. Короче, отец, я не знаю, как это делается, но эту сучку нужно уничтожить. Она хочет, чтобы я сел. Так пусть сядет сама. Это мое условие!

– Условие?! – побледнел отец. – Ты меня шантажируешь?

– Нет, – не моргнув глазом, качнул головой Адам. – Просто прошу как сын отца. А про эту дуру белобрысую я ничего маме не скажу, обещаю... И еще...

– Что еще? – поморщился отец.

– Мне бы Вадика твоего. На пару часиков.

– Зачем?

– Да с козлом одним поговорить... Он мне чуть челюсть не сломал...

Адам знал, что отец им не совсем доволен. Его не устраивают «тройки» в его зачетке, ему не нравится его отношение к жизни, но, как бы то ни было, он единственный сын своего отца, и ему можно все. Машину, квартиру, деньги на карманные расходы в больших количествах. И охранников он своих ему одолжит, чтобы проучить зарвавшегося Никиту. Адам ничуть в том не сомневался.

Заручившись поддержкой отца, он вышел из кабинета, подошел к машине, где томилась в ожидании Вероника.

– Извини, что помешал, – ничуть о том не жалея, сказал Адам.

– Да ладно, чего уж там...

Она протянула ему руку, чтобы он помог ей выйти из машины. Адам сделал вид, как будто не заметил этого. Но когда

она все же вышла без его помощи, он не постеснялся провести рукой по ее гладкой спине, лишь наполовину прикрытой сарафаном.

– Следи за папиком, а то как бы он моей шалавой не увлекся...

– Какой шалавой? – заинтригованно спросила она и глуповато захлопала глазками.

Он многозначительно промолчал. Если не дура, сама обо всем узнает от отца. Если нет мозгов, то и говорить с ней на эту тему не стоило.

* * *

Наука соблазнения неразрывно связана с искусством избегать конфликтных ситуаций. Ведь по морде можно получить не только от объекта притязаний, но и от его второй половины, неважно, узаконенной или нет...

Увы, но Никита иногда попадал в переделки. Однажды он чуть не схлопотал от мужа очаровательной блондинки с образцово-показательным бюстом, правда, тогда удалось объясниться, иначе говоря, запудрить парню мозги. Потом была встреча с другом глупой и дурноватой на внешность брюнетки. Было б не так обидно, если бы он домогался ее, так нет, все наоборот. Но парень оказался крепким орешком и к тому же абсолютно невосприимчивым к словесному воздействию. Никита попал тогда в больницу с переломом че-

люсти. В третьем случае он смог отбиться и сам хорошенько поколотил роконосца...

Тогда он был в зените своего сексуального величия. Снял все, что движется. А сейчас с ним непонятно что происходит. В студенческий лагерь надо ехать, а неохота. Девчонки там больше, чем крабов в море, а ему не хочется уезжать из Москвы. И на женщин совсем не тянет. Хочется уединиться где-нибудь в тишине, поразмыслить над бренностью суетного бытия. Своей бочки, как у Диогена, у него не было, в квартире душно, зато в парке есть любимое место, где можно спокойно полежать под деревом, поспорить мысленно, например, с Артуром Шопенгауэром, который утверждает, что единственный мужчина, который не может жить без женщин, – это гинеколог. Даже сейчас, когда его плотский фитиль прикручен, Никита мог уверенно сказать, что без женщины жизнь для него невозможна; уж без одной, так это точно...

Только он прилег, только открыл книгу, как появился он, очередной роконосец. Четвертый случай... И как обидно, что встреча с ним произошла сейчас, когда нет больше желания волокнуться за юбками. А может, это был ангел, спущенный с небес для того, чтобы призвать Никиту к покаянию за прошлые грехи?.. Правда, детина, стремительно надвигающийся на него, больше похож был на демона. Злые глаза, ожесточенное лицо, кулаки, что кувалды.

Перед глазами у Никиты пронеслась вся его жизнь...

с Ириной Б., которую он любил очень долго, целых три дня кряду. Он ходил к ней в малосемейку, где она жила с мужем, рискуя нарваться на неприятности. А ведь знал он, что муж у нее таксист с уголовным прошлым... Давно закончился этот роман, но, похоже, возмездие свершится только сейчас.

– Ну, наконец-то я тебя, урода, нашел! – заорал детина и, не останавливаясь, пнул его ногой в живот.

Но Никита успел отпрыгнуть назад.

– Ты мужик или козел? – заорал на него Толик; так, кажется, называла его Ирина Б. – Че ты прыгаешь, как раненый?

Он снова ударил, но Никита снова отскочил. И только с третьего раза он сумел достать его, костяшками кулака рассек бровь. Никита разозлился, ударил в ответ. Попал кулаком в скулу, но детина этого, казалось, даже не заметил.

– Убью! – взвыл он и снова бросился в атаку.

Он бы похоронил его под градом ударов, если бы вдруг не появились люди в черных масках и с бейсбольными битками в руках. Их было двое. Никита и опомниться не успел, как стоявший у них на пути Толик оказался на земле с разбитой головой.

Второй удар битой предназначался самому Никите. Он видел ярость в глазах человека под маской. И бита в его руках уже занесена над головой. Длинная дубинка, от нее не отпрыгнешь.

– Ты его убил! – крикнул второй налетчик, глядя на окровавленного и бьющегося в конвульсиях детину. – Сваливаем!

Они бегом бросились в глубь парковой зоны, оставив Никиту наедине с умирающим человеком.

Он бросился к аттракционам, где мог быть телефон, чтобы вызвать «Скорую помощь». К счастью, он смог позвонить. И Толик был еще жив к тому моменту, как прибыли врачи. Его забрали, увезли, а Никитой занялся прибывший наряд милиции.

Он рассказал, как все было. Нашлись и свидетели, которые подтвердили его слова о двух громилах в масках. Капитан-оперативник на месте запротоколировал его показания, выписал Никите повестку на завтра и отправил его домой.

Не думал он, отправляясь в милицию, что ему придется там заночевать. Занимавшийся им оперуполномоченный уже не был так милостив к нему, как вчера.

– Я из-за тебя, Сонцев, всю ночь, считай, убил... Женой покойного...

Вид у капитана Кипелова был помятый, и запах перегара угадывался хорошо. Но Никита только мог строить предположения, как долго и в каких позах он допрашивал Ирину Б. «Жену покойного»... Оказывается, Толик все-таки умер, обреченно подумал Никита.

– Признавайся, у тебя был с ней роман? – Нехорошо глянув на него из-под низких кустистых бровей, оперуполномоченный поднялся, взял графин, налил воды в ладонь, смочил плешивую голову, а затем сделал несколько глотков прямо из горлышка.

Графин остался у него в руках. С ним он подошел к Никите, встал у него за спиной.

– Ну, я жду ответа!

Казалось, он вот-вот опустит графин ему на голову.

– С кем роман?

– С Ирккой, твою мать!

– А-а, ну, был...

– Ну, вот и ладненько...

Кипелов снова смочил себе плешь, поставил графин на место и вернулся за свой стол. Взял из папки бланк протокола и, не обращая внимания на Никиту, молча принялся что-то писать.

Прошло не меньше часа, прежде чем он протянул Никите заполненный бланк.

– Ознакомься и распишись.

Нелегко было разобрать почерк оперативника, но все же Никита осилил текст. От возмущения у него запылали щеки.

– Это что за ересь?

Оказывается, у него был роман с Ириной Б., он хотел на ней жениться, а чтобы избавиться от ее мужа, нанял двух амбалов, которые в конечном итоге организовали драку «между двумя парковыми аллеями» и «нанесли один побой по голове» гражданину Б. Но не только Никиту обвинял грамотей из уголовного розыска. «Гражданка Б. все время производила нарушение семейной жизни путем непонимания мужа и понимания своего любовника гражданина Сонцева»...

– Это не ересь, это убийство! – непоколебимо уверенный в своем судьбоносном величии, важно изрек офицер.

Никита обреченно вжал голову в плечи. Он не хотел отвечать за убийство человека.

– Но я никого не нанимал.

– Да, но роман с гражданкой Б. у тебя был.

– Был.

– И ты хотел избавиться от ее мужа! – наседал Кипелов.

– Нет. Это было мимолетное увлечение. Я уже и забыл об Ире, но вчера появился Толик и напомнил, на мою голову...

– Да нет, напомнили на его голову. Его убили, а не тебя... Убили, Сонцев. Убили!!! И в этом убийстве виноват ты!

– Вы не понимаете или не хотите понять. Толик узнал о нашем романе, нашел меня, набросился на меня с кулаками. Вот, бровь разбил...

– Ну, разбил, и что?.. Вы позвали его в парк, чтобы свести его с вашими наемниками. Они немного задержались, между вами и гражданином Б. завязалась драка, в результате чего вы получили незначительную травму. А потом появились нанятые вами люди, ударили его по голове... Это ваши люди убили гражданина Б. И вам за это отвечать.

– Никого я не нанимал.

– А я говорю, нанимал! – рыкнул Кипелов.

– Бред.

– Протокол подпиши.

– Нет.

– Ты дурак или чего-то не понимаешь? – зло, но вместе с тем увещательно глянул на Никиту капитан. – Сейчас ты подпишешь протокол допроса, затем я возьму с тебя подписку о невыезде и отправлю домой. Суда будешь дожидаться дома. Дома!.. А не подпишешь, я тебя задержу, отправлю в КПЗ, затем в следственный изолятор. Суда будешь дожидаться в душевой камере, до отказа забитой уголовниками. Ты же и дня там не проживешь, тебя там опустят, заставят жить на параше...

На параше среди уголовников жить не хотелось. А ужас, описанный Кипеловым коротко, но емко, оказался настолько осязаемым, что Никита невольно потянулся за авторучкой.

– Давай, давай подписывай. Тебе же лучше будет.

Но мелькнувшая в голове здравая мысль пресекла его малодушный порыв.

– Вам что, главное – меня виноватым сделать или убийцу найти? – спросил Никита.

Капитан валил вину на него и на мифических наемников, но их личности установить даже не пытался. А ведь он должен был спросить про них.

– Убийца – ты! – раздраженно выпалил Кипелов.

– Если судить по вашей версии, то я организатор преступления. А кто исполнитель?

– Вот это ты и скажешь. Когда подпишешь протокол.

– То есть вы будете допрашивать меня дальше.

– Угадал.

– И домой не отпустите.

– Ну почему же? Если назовешь имена своих подельников, отпущу.

Кипелов невольно отвел взгляд в сторону, чем выдал коварство своих замыслов. Никита окончательно убедился в том, что его здесь держат за дурака.

– Но я не смогу их назвать. Я их не знаю и знать не могу...

– Я бы на твоём месте, Сонцев, хорошенько подумал, прежде чем ломать комедию. Подпиши протокол и дыши свободно. Нет, будешь дышать отбитой грудью, это я тебе обещаю...

– Это угроза? – холодея от ужасного предчувствия, спросил Никита.

Он слышал, что в милиции хватает садистов, силой вынуждающих показания из подсудимых.

– Угроза?! – пренебрежительно хмыкнул Кипелов. – Что ты знаешь об угрозах, пацан?.. Лично я пальцем тебя не трону, но и гарантий твоей безопасности не дам. Тюрьма тебя сломает, поверь мне. Там тебе не только грудь отобьют, но и все остальное, на чем сидят. Рано или поздно ты сам напросишься ко мне, чтобы я тебе помог. А я тебе помогу. Но прежде чем перевести тебя в нормальную камеру, где не бьют и не насилуют, я повешу на тебя еще пару убийств. Будет суд, тебя осудят лет на пятнадцать особого режима, а то и к смертной казни приговорят. А ты как думал?.. Мой тебе совет, Сонцев, подпиши протокол. Пойдешь как организатор

убийства, получишь свои законные десять лет, отсидишь их на строгом режиме, вернешься домой... Сколько тебе сейчас лет? Двадцать один год? В тридцать один год выйдешь, и то – если раньше не выпустят. Будешь хорошо себя вести, раньше срока выйдешь, по условно-досрочному... А ты будешь себя хорошо вести. Ты человек умный, тебе уголовная романтика ни к чему. В двадцать семь лет выйдешь. Как раз призывной возраст закончится. В двадцать семь лет человек только жить начинает. А ты сейчас, через годик-другой, жизнь свою закончишь. Приговорят тебя к расстрелу, и умоешься кровью под стенкой... Думай, думай, Сонцев. Или уже подумал? Что ж, вот тебе ручка, вот протокол...

Никита прекрасно понимал, что Кипелов давит на психику, чтобы сломить его упрямство. Но все равно было жуть как страшно. Ведь он действительно мог оказаться в камере с лютыми уголовниками, которые могут сделать с ним все, что угодно. Он целиком был во власти этого оперуполномоченного... Но все же протокол он подписывать не стал.

– Ну что ж, если решил подумать до утра, мешать тебе не стану. Отправляйся в камеру, покукуй там ночку, а завтра мы с тобой поговорим...

Ядовитая усмешка на губах Кипелова не предвещала ничего хорошего.

Телохрани́тель отца посматривал на него чуточку свысока. Как будто он имел какую-то власть над Адамом... Ну да, конечно, он достаточно силен для того, чтобы стереть его в порошок прямо сейчас. Но ведь он не сделает этого, потому что знает, какая кара за этим последует. Он должен понимать, что Адам для него священная корова. К тому же еще и дойная... Он все понимает, но снисходительная ухмылка не сходит с его губ.

– Менты все устроили, – сказал Колян. – Закрыли пацана, завтра-послезавтра отправят его в «Петры» или сразу в «Бутырку». Только это, им денег мало. Еще по три штуки просят...

– А не обксерятся? – высокомерно усмехнулся Адам.

Деньги у него имелись, и он был совсем не прочь потратить их на то, чтобы отомстить Никите по полной программе. Но ведь он учился в экономическом институте, ему априори следовало торговаться. К тому же он понимал, что телохрани́тель Колян прикарманит штуку-другую.

– Пять штук им хватит, – решил он.

– Пять штук вместо шести? – с каверзой во взгляде протянул Колян. – Ну, они бабки возьмут, не вопрос. Но если обидятся, то ничего не сделают. Никита твой на свободу выйдет, а деньги они нам уже не вернут. Тут лучше не скупиться,

чтобы потом ни о чем не жалеть...

– Ну, шесть так шесть, – махнул рукой Адам.

И без того все складывалось как нельзя лучше.

Колян со своим дружкой собирались отоварить Никиту бейсбольными битами, но под руку им попался орогаченный им мужик. Не надо было его трогать, но... В общем, мужик находился сейчас в реанимации в тяжелом и опасном для жизни состоянии, а Никиту арестовали за организацию преступления. Это Колян вовремя сообразил прощупать ситуацию, вышел на уголовный розыск. Еще вчера он предложил Адаму заплатить ментам, чтобы те утопили Никиту. И он не мог не согласиться...

В ближайшее время он расправится еще и с Женей, и тогда можно будет спать спокойно...

Глава 5

Евгения шла в прокуратуру. Следователь позвонил вчера, назначил встречу на сегодня. Опаздывать не хотелось.

Она уже выходила из дома, когда нос к носу столкнулась с Катей. На подруге лица не было, и глаза красные от слез.

– Никита в тюрьме! – с ходу выпалила она.

И с укоризной посмотрела на Евгению. Как будто она была в чем-то виновата.

– За что?

– Официальная версия – организация убийства. И это при том, что потерпевший жив. В Склифе лежит, в коме... Ты куда-то торопишься?

– Да, в прокуратуру.

– Зачем ты с этой гнидой связалась? – с упреком спросила Катя.

– Я тебя не понимаю...

– Сейчас поймешь. Никита сам пострадавший. Какой-то мужик на него набросился, ударил несколько раз, а потом двое из ларца появились, в масках и с дубинами. Мужичку проломили череп, а его даже не тронули. Почему?.. Подставили Никиту. Он теперь виноват. Потому что он этих двоих якобы нанял... А кто его подставил?

– Кто?

– Адам!.. Ты, может, не знаешь, но Никита морду ему на-

бил. Из-за тебя! Когда узнал, что этот гад с тобой сделал...

– Я не знала, – покачала головой Евгения.

Ей, конечно, было приятно узнать, что хоть кто-то за нее заступился. Но какая могла быть радость, если Никита после этого оказался в тюрьме?

– Ты думаешь, Адам ему отомстил? – встревоженно спросила она.

– Не думаю, а знаю... Странно, как он до тебя еще не добрался... Или добрался?

– Нет... Но его отец со мной разговаривал. Предлагал деньги...

– А ты?

– Я не согласилась...

– Зря. Надо было соглашаться... Ты должна помочь Никите! – заявила Катя.

– Да, конечно, все, что в моих силах...

– Адама я найду сама, поговорю с ним. Думаю, он поможет Никите выкрутиться. Вернее, не будет ставить палки ему в колеса. Но ты должна забрать заявление...

– Хорошо, я сделаю это. Я сейчас как раз в прокуратуру иду... Я, конечно, заберу заявление. Но ты уверена, что это поможет Никите?

– Не знаю, – честно призналась Катя. – Не уверена.

– Но я все равно заберу заявление, – решила Евгения. – А там будь что будет... Может, деньги нужны, чтобы Никите помочь?

– У тебя есть деньги? – горько усмехнулась Катя.

– Нет. Но я спрошу у родителей.

– И много они тебе могут дать?

– Не думаю, что много...

Отец у Евгении работал обыкновенным инженером на убыточном заводе, зарплата курам на смех. Мама трудилась медсестрой в поликлинике, оклад маленький... В общем, с деньгами в семье было туго.

– У нас тоже не фонтан, – призналась Катя. – Но предки дачу продавать собираются... Если деньги нужны будут, как-нибудь выкрутимся. Лишь бы Адам не помешал... Сволочь, а не человек. Если папа богатый, то все можно?

– Мне это уже пытались объяснить, – невесело улыбнулась Евгения. – Сначала в милиции, затем в прокуратуре... Никто не верит, что я доведу дело до конца... А я и не доведу, если с Никитой такая беда...

– Но хоть ублюдков этих мажорных попугала, и то хорошо...

– Ничего хорошего в том нет. Как и в том, что случилось...

Почти две недели прошло с тех пор, как над ней надругались, но Евгения до сих пор переживала так остро, как будто беда случилась только что. И никогда не забыть ей ту грязь, в которую ее окунули. И не отмыться от мерзкой мужской похоти... Иногда ее подмывало взять в руки нож, вызвать Адама на разговор и убить его ударом в низ живота... Убить. Не

покалечить, а убить... Возможно, когда-нибудь она сделает это. Скорей всего, это и случится. Ведь как только она заявит заявление, надежда на торжество правосудия иссякнет. И тогда только она сама сможет свершить возмездие...

Следователь Рыбин встретил ее с прохладцей во взгляде. Одной рукой пригладив непослушные волосы на голове, другой он показал на стул по другую сторону стола.

Рыбина можно было бы назвать интересным мужчиной. Среднего роста, правильные черты лица; нос, правда, несколько длинноватый, но хорошо сбалансированный с глазами, ртом и подбородком. Но глаза... Не самые большие, но выпученные; зрачки бесцветные, а белки желтоватые с красными прожилками; и веки слишком низко провисшие. И взгляд у него такой же неприятный и холодный, как щупальца у кальмара. Лицо непроницаемо спокойное, а в уголках губ притаившееся коварство...

– Виталий Николаевич, у меня к вам большая просьба, – с искательными интонациями в голосе обратилась к нему Евгения. – Я бы хотела забрать заявление.

– Почему? – ничуть не изменившись в лице, хлестко спросил он.

– Мне надоело все это.

– Что это?

– Ну, все эти хождения по мукам... Я устала.

– А чего вы добивались, Евгения Павловна? – холодно спросил Рыбин.

– Справедливости... Я хотела, чтобы преступники понесли наказание.

– А сейчас вы этого не хотите?

– Нет, хочу... Бог их все равно накажет.

– Бог накажет?.. Сейчас вы думаете о Боге. А о чем вы думали раньше, когда затеяли все это безобразие?

– Безобразие? Какое безобразие я затеяла?

– Не прикидывайся бедной овечкой, Володарцева. Я все про тебя знаю.

– Что – все? – напряглась Евгения.

– Знаю, что ты снимаешься в порнографических фильмах, – ошаршил ее Рыбин.

– Что?!

– Я же просил, не надо прикидываться бедной овечкой, – скривился следователь.

Он достал из ящика стола стопку фотографий, бросил их на стол так, что они раскрылись веером. Она узнала эти снимки. Творчество подлеца Коготкова.

– Но это же даже не эротика, – возмущенно сказала она. – О какой порнографии вы говорите?

– Надеюсь, вам известен гражданин Коготков?

– Да, конечно...

– Так вот, он дал показания, что вы, гражданка Володарцева, упрашивали его снять вас на видео в обнаженном виде...

– Что?! – схватилась за голову Евгения. – Да как он мог

такое сказать?

– Он не просто сказал, он дал показания, под протокол. Он раскрыл твою порочную суть, Володарцева... Мало того, он утверждает, что с гражданином Быковым вы отправились на дачу к его родителям для того, чтобы сняться в любительском фильме порнографического содержания...

– Бред!

– Боюсь, что у следствия есть неоспоримые доказательства. Половой акт с участием гражданина Быкова был снят на видеопленку...

– Этого не может быть! – ужаснулась девушка.

Она была в полубессознательном состоянии, когда на нее навалился «режиссер» Леша. И не могла видеть, снимал их кто на видеокамеру или нет. Но камера была, и на порядочность Адама и его дружков рассчитывать не приходилось.

– Все было, Володарцева. И вы это знаете.

– Но меня насильовали.

– Не знаю, не знаю, – уничижительно хмыкнул Рыбин. – Я просмотрел пленку и не заметил, чтобы вы сопротивлялись...

– Я была без сознания. Они опоили меня снотворным...

– Вы утверждаете, что были без сознания, и при этом говорите, что вас опоили снотворным. Если бы вас опоили снотворным, вы бы просто спали, а вы говорите, что были без сознания. Неувязочка получается...

– Я не знаю, чем они меня опоили. Может, это было не

снотворное.

– Вы употребляете наркотики?

– Я?! Наркотики?! Вы с ума сошли?

– С ума сошла ты, Володарцева. Сама совратила молодых людей, сама устроила порнографию, а потом написала на них заявление. На что ты рассчитывала? Чтобы кто-нибудь из них женился на тебе? А ты не подумала, что никому из них такая шлюха, как ты, в жены не нужна.

– Шлюха?! Да как вы смеете! – взбеленилась Евгения.

И даже вскочила со своего места, едва удержав себя от того, чтобы не вцепиться негодяю в его сальные патлы.

Рыбин тоже поднялся. Стараясь сохранять самообладание, налил в стакан воды из графина, но вместо того, чтобы напоить Евгению и тем самым хоть как-то успокоить, выплеснул жидкость ей в лицо.

– Успокоилась? – резко спросил он.

Евгения села, уронив голову на грудь.

– Какой же вы мерзавец...

– Только давай без сцен, Володарцева. Я знаю, что ты у нас актриса, и не надо здесь лицедействовать... Давай смотреть фактам в лицо. Есть твоя фотосессия с голой грудью, есть твое намерение сняться в порнографическом кино, есть обличительная видеозапись, в конце концов...

– Я знаю, отец у Адама большая величина, у него много денег, он вам заплатил, чтобы вы втоптали меня в грязь, – с бессильным презрением усмехнулась Евгения.

– А вот это вы зря! – изображая праведный гнев, воскликнул Рыбин. – Никто мне за правосудие не платил!

– Это не правосудие, это фарс. К тому же это всего лишь следствие. Я забираю заявление, Адаму и его убудочным дружкам ничего больше не угрожает. И оставьте меня, пожалуйста, в покое...

Давно уже было пора поставить точку в этой унижительной процедуре, начавшейся на даче у Быкова и закончившейся в прокуратуре. Не надо было ей вообще обращаться в милицию. Тогда, может быть, никто бы и не узнал о ее позоре... А с Адамом она бы разобралась сама. И разберется. Обязательно сведет счеты с этим подонком...

– Оставить вас в покое, Володарцева? – гомерически хохотнул Рыбин. – Да нет, боюсь, что это невозможно. Хотите уйти от ответственности? Не выйдет!

– Вы еще и к ответственности меня хотите привлечь?

Евгения была доведена до такого состояния, когда ничто уже, казалось, не могло ее удивить.

– А как вы думали!.. Да будет вам известно, что на момент совершения вами развратных действий гражданину Быкову не исполнилось восемнадцати лет. Вы, Володарцева, будете отвечать по статье сто двадцатой. Развратные действия в отношении несовершеннолетнего. До трех лет лишения свободы.

– Вам самому не смешно? – обреченно спросила Евгения. Ей самой было не до смеха. Она понимала, с кем имеет

дело. Если Адам задействовал связи и деньги родителей, ей несдобровать. Оставалось рассчитывать только на порядочность его отца, который произвел на нее неплохое впечатление. Немолодой, но видный мужчина, не сказать, что верх галантности, но угрозами он не сыпал, пеной с губ на нее не брызгал. Но при всем при том она отказалась забрать заявление, за что теперь, возможно, придется расплачиваться своей свободой.

– Было бы смешно, если бы вы тоже были несовершеннолетней. Но вам, Володарцева, девятнадцать лет. И ваша половозрелость не вызывает сомнения. Чего не скажешь про Быкова. Если экспертиза подтвердит, что юноша не достиг половой зрелости, вам придется отвечать еще и по сто девятнадцатой статье. А поскольку в связь с ним вы вступили в извращенной форме, то получите все шесть лет...

– Это кто не достиг половой зрелости? Быков?.. Гнать вас надо из прокуратуры, товарищ следователь.

– Во-первых, я вам не товарищ. А во-вторых, гнать меня из прокуратуры не за что. Я следую букве закона, и если вы виновны, то наказание для вас неотвратимо... Можете позвонить родителям. Пусть привезут вам туалетные принадлежности, вещи, продукты, поскольку вряд ли вам понравится тюремное питание...

– Тюремное питание?!

Евгению изнутри трянуло так, что на какое-то время она потеряла ощущение почвы под ногами.

– Да, вы задержаны, гражданка Володарцева. Пока вам не предъявят обвинения, вы будете содержаться в изоляторе временного содержания. Ну а потом дальше, по этапу... Чтобы избавить тебя от иллюзий, девочка, скажу сразу и наверняка – положение твое очень серьезное, и ничем ты себе уже помочь не сможешь. Игры с огнем ничем хорошим не заканчиваются...

Евгения уже поняла, что с Адамом шутки плохи. Но даже когда ее под конвоем везли в изолятор временного содержания, она все еще не верила, что прокуратура сможет довести дело до суда. Ведь это же такая нелепость – посадить женщину за развращение мужчины...

* * *

Гоша сначала изобразил плясовой прихлоп с притопом в стиле «Яблочко», и только затем провыл на блатной манер.

– Гоп-стоп, мы подошли из-за угла!

И бывалого урку из себя он тоже изображал. Тяжелый взгляд, хищный оскал, нахальная ухмылочка, нарочито расхлябанная походка. Но ему не хватало внутренней крепости, чтобы держать марку. Никита уже второй день изучал его и видел, как плюхала жижа в его глазах, как подрагивал его голос, когда он тужился, чтобы доказать свое право на место в уголовной элите.

Гоша вернулся с допроса, надзиратель только что закрыл

за ним дверь. Заметив устремленный на него взгляд, он дернулся в сторону Никиты.

– Ну, чего вылупился, фраер!

Но ему и сейчас не хватило духа, чтобы выдержать задуманную высоту полета. Он остановился в шаге от Никиты, снова изобразил прихлоп, показывая, что у него хорошее настроение и бояться его нечего.

Никита был далек от тюремных понятий, о порядках в неволе имел смутное представление. Но одно он знал точно – это примитивный, можно даже сказать, первобытный мир. Философские изыскания и размышления над сущностью бытия здесь неуместны, на уме должно быть только одно – как отстоять право на свое «я» и на свою территорию. Здесь все, как у волков и у собак. Пометил свое место в этой жизни и твердо стой на нем, что бы ни случилось. Арестанты не звери, но они живут по законам дикой стаи. Нельзя показывать им свою слабинку, потому что те как животные, они чувствуют ее интуитивно. И силу они уважают на рефлекторном уровне, поэтому, если ты чего-то стоишь, тебя не станут сгонять с твоего места, если, конечно, оно не на вершине холма, где обитают лидеры. У вожаков свои правила, и грызня за место под солнцем более серьезная и страшная, чем в общей массе. Но Никите не до жиру, он во власть не лез, но и свою маленькую территорию площадью с поверхность нар он за здорово живешь не уступит. В пещере жить – неандертальцем быть...

Он не был актером, но делать лицо кирпичом умел. И это сейчас ему здорово пригодилось. Он выдержал психологический натиск со стороны Гоши и тут же отвел от него взгляд. Все должно быть в меру, излишества обостряют ситуацию. И сам Гоша это понимал. Поэтому сбавил обороты, перешел на сговорчивый тон.

– А я сейчас такую кралю видел! – наигранно потянувшись, протянул он.

– Где? – расплылся в улыбке Ваня Треух.

Типичный «добряк». Здоровый, как бык, добродушный, как лубочный медведь. Удивленно вскинутые брови, нерешительное, слегка смущенное лицо, чуточку приоткрытый рот, слабая мимика, голос тихий, речь плавная. Он очень любил домашний уют, и потому первым делом, как попал в камеру, позаботился о том, чтобы жена принесла ему пододеяльник под колючее одеяло и тапочки. Да и попал он под статью за то, что стащил с родного завода платяной шкаф, дабы обустроить свой домашний быт.

– В Караганде! – ухмыльнулся Гоша, заносчиво глянув на Ваню.

Будь Треух слаб физически, он бы давно превратил его в жертву, мишень для самоутверждения. Но у Вани кулак был размером с Гошину голову, и это ли не повод задуматься над тактикой своего хулиганского поведения.

– Такая краля!.. – Походкой пингвина Гоша изобразил вихляющую бедрами женщину. – Там в конце коридора «ха-

та», там ее закрыли... Сразу два вертухая за ней шли, какая фифа!.. Я думал, они вместе с ней в камеру зайдут, ну, чтобы «спасибо» получить, да. Нет, отчалили... А я бы к такой крале заехал на часок...

– Так в чем дело? – развеселился Треух.

– Бабла нет, – развел руками Гоша. И, немного подумав, с оттенком превосходства во взгляде добавил: – Братва обещала подогнуть лавья, суну вертухаю четвертной на лапу, он меня к этой киске на ночь сводит...

– А что, можно так вот просто к бабе в камеру? – просто-душно спросил Ваня.

– Ну, ты деревня, в натуре! – ухмыльнулся Гоша. – Да за бабки здесь все можно. Или ты думаешь, менты не любят вкусно кушать?.. Не знаю, может, четвертного будет мало. Такая краля, что я тащусь...

С мечтательным выражением на лице Гоша забрался на свой лежак, накрылся одеялом и затих. Спустя какое-то время послышалось его учащенное дыхание...

* * *

Евгения сидела на жесткой лавке, обхватив голову руками, покачиваясь в такт своим горьким думам. Не просто дверь тюремной камеры захлопнулась за ней, это закрылся путь в привычный для нее мир. И надежда на благоприятный исход поугасла... Над ней надругались, ее унизили, и она же

за все это должна ответить перед судом. И ответит. Потому что нет справедливости в этой жизни. Потому что без денег ты никто...

Дверь открылась без предупреждения. Глупо было бы рассчитывать на то, что милицейский надзиратель постучится, прежде чем вставить ключ в замок... В камеру вошел немолодой и даже в какой-то степени старый для лейтенанта офицер. Лоб в форме полумесяца, круглые бегающие глазки, нос плоский и с изгибом, обращенным вверх, похотливые узелки в уголках мокрых губ. Евгения уже знала этого лейтенанта. Он принимал у нее по описи документы и личные вещи. Он же в комнате дежурной части как бы невзначай провел рукой по выпуклостям внизу ее спины. И заставил остро пожалеть, что для визита в прокуратуру она выбрала не брюки, а юбку.

– Скучаешь? – заискивающе, но при этом с хозяйской уверенностью в голосе спросил он и присел на топчан.

– А вы как думаете? – с горькой усмешкой спросила она.

– Ничего, девочка, и в тюрьме тоже есть жизнь. Главное, с начальством дружить, тогда все будет в порядке.

– Я не хочу ни с кем дружить, – сказала Евгения, догадываясь, куда клонит этот скользкий тип.

– Я тебя понимаю, ты сейчас в ступоре, тебе надо из него выйти... Я так понимаю, вещей у тебя с собой нет.

– Откуда я знала, что меня посадят...

– Да я и сам, если честно, удивлен. Ну, развратные действия, это еще можно понять. Железного занавеса давно уже

нет, люди расслабились, раскрепостились. Я бы и сам, если честно, кого-нибудь сейчас совратил... – незлобиво, но с масляными разводами в глазах улыбнулся лейтенант.

– Только не меня... И вообще, я не понимаю, что вам от меня нужно? – ежисто спросила она.

– А то и нужно, что утешить бедную девочку. Ничего такого ты не сделала. Ну, подумаешь, в порно с каким-то малолеткой снялась...

– Не было никакого порно. Меня банально изнасиловали. Меня. Изнасиловали. И меня же обвинили в разврате...

– Ну, как насчет настоящего порно? – похотливо улыбнувшись, спросил офицер. – Могу телевизор сюда принести, с видеком. Я все могу... И уют можно здесь сделать, как дома. Матрасы принесу, одеяла, цветочки, все такое... Будем лежать, порнушку смотреть...

– За кого вы меня принимаете? – вспылила она.

– Тихо, цыпа, не шуми! – зашипел на нее лейтенант.

И, чтобы утихомирить, накрыл своей ладонью ее голую коленку.

– Я сейчас кричать буду! – Евгения вскочила со своего места, встала у двери.

– Я же говорю, тихо! И кричать не надо... Не хочешь, не надо... Потом захочешь. Сама попросишь. Я подожду...

Похабник ушел, но Евгения была уверена, что этот его визит не последний. А если не он, то кто-нибудь другой из ее надсмотрщиков пожалует. Ведь репутация у нее не ахти, те-

перь она для всех падшая женщина, которой могут пользоваться все, кому не лень...

Глава 6

Рыбин перебирал пальцами по столу, как по струнам гитары. Вроде бы нервничает следователь, но выражение лица при этом как будто безмятежное.

– Я не буду ничего подписывать.

Евгения оттолкнула отбитые на машинке листы с обвинительным заключением.

– Это ваше право, – внешне невозмутимо сказал он.

– Мое право составить на вас жалобу и отправить в вышестоящую инстанцию!

– А этого я вам не советую. Во-первых, вы ничего не добьетесь, а во-вторых, вы только усугубите свою вину... Скажите, с кем вы сейчас находитесь в камере?

– Ни с кем, одна.

– И то вам плохо... А представьте себе такую же, как у вас, камеру, и в ней двадцать уголовниц...

– Так не бывает.

– Уж поверьте мне, бывает и хуже. Завтра вас переведут в следственный изолятор. Я позабочусь, чтобы у вас была приличная камера. Но если вы начнете писать жалобы, вас переведут в камеру к прожженным уголовницам. Скажите, вы бы хотели заняться сексом с женщиной?

– Нет! – встрепенулась она.

– Ладно, если бы просто с женщиной, а то с грязной уго-

ловницей... В общем, советую вам обойтись без самодея-
тельности, это в ваших же интересах...

Возможно, Рыбин всерьез опасался, что Евгения подни-
мет шумиху, но даже если вдруг вышестоящие инстанции
пристрелят этого следователя, то Адам возьмется за другого.
Да и не пристрелят его, потому что в этой продажной стра-
не с могущественными людьми не воюют. А отец у Адама
именно такой человек.

– Вы меня поняли? – жестко спросил Рыбин.

– Да, – обреченно кивнула она.

– Вот и хорошо, – взбодренно улыбнулся следователь. – А
раз так, еще один совет. Не пытайтесь плыть против течения.
Признайте свою вину, и на душе станет легче, и суд учтет
ваше раскаяние. Будете пайнкой, получите по максимуму
– все три года, но условно. И вас тут же отпустят из здания
суда домой...

– Условно?! – настороженно спросила Евгения. – А это
возможно?

– Конечно.

– Тогда зачем же меня держат под стражей сейчас?

– Потому что суд не счел нужным изменить меру пресе-
чения, – напустил туману Рыбин.

– Но разве был суд?

– Будет... Мой вам совет, не забивайте себе голову. От-
правляйтесь в камеру и постарайтесь расслабиться. Сидеть
вам недолго, максимум два месяца, пока не закончится су-

дебный процесс. Так что набирайтесь терпения...

Ее доставили в изолятор временного содержания, закрыли в камере, которую за два дня обитания в ней она привела в более-менее сносный вид. И цветочки на столике появились, спасибо маме, и чистое белье – это заслуга отца, который дал ей немного денег, чтобы подмаслить надсмотрщиков. Под нарами стояла сумка с вещами и сладостями, которые хоть как-то разбавляли горечь ее существования.

После отбоя она легла спать, простыней закрывшись от круглосуточно горящей лампочки. Так называемое дежурное освещение раздражало Евгению и вместе с тем служило ей иллюзорной, но все же защитой от похабников с погонями на плечах. Наступала третья ночь в заключении, и девушка хотела надеяться, что и она пройдет так же спокойно, как и предыдущая.

Она уже засыпала, когда лампочка погасла. Возможно, она просто перегорела, но девушка о том даже не подумала. Евгения вскочила с нар как ошпаренная, схватила со стола ложку, как будто это был нож, которым она могла защититься от насильников.

Дверь открылась, в камеру зашел мужчина.

– Не подходи! Убью!

– Жень! Это я! – услышала она знакомый голос.

– Никита?! – радостно воскликнула она.

– Я... Можно к тебе?

– Ну конечно!

И в тот же миг за ним захлопнулась дверь, и почти сразу же зажглась лампочка. Она увидела Никиту. В белой футболке, в джинсах, спортивный, подтянутый. Может, и не самый красивый, но, казалось, не было на свете желаннее мужчины, чем он. Или нет, вообще не было на свете желанных мужчин, кроме него...

– Как ты здесь оказался?

– Хочешь, скажу тебе, что я, как великий Гуддини, могу свободно перемещаться из камеры в камеру?

– Можешь сказать все что угодно, я всему поверю, – улыбнулась она.

– А в то, что я здесь рядом сижу, тоже поверишь?

– Я как-то не подумала, – нахмутив брови, с чувством вины сказала Евгения.

Она же знала, что Никита арестован, как и она. И сидеть он мог в одном с ней изоляторе. Но у нее даже мысли не возникло, что Никита где-то рядом. И все потому, что не до него было, о себе, любимой, только и думала.

– А я подумал... Мне Катька сказала, что тебя тоже взяли. А тут еще сказали, что к нам в изолятор самую красивую девушку на свете посадили. Ну, и я подумал, что если самая красивая, то это ты... Договорился с надзирателем, сказал, что мы с тобой жених и невеста, ну, и на лапу дал, само собой – без этого ему на все наплевать, даже на то, что мы муж и жена...

– Мы не муж и жена, – растроганно и мило улыбнулась

она. – И даже не жених с невестой...

– Да, но выгонять же ты меня не станешь, – с озорным нахальством сказал он.

– Не стану...

Евгения взяла его за руку, вместе с ним села на краешек застеленного топчана.

– Катька говорила, что ты из-за меня в морду Адаму дал, это правда? – с замиранием, будто в ожидании чуда, спросила она.

– Правда. Из-за тебя и прямо в морду лица...

Казалось бы, иного ответа и быть не могло. Но все же в душе у нее раскрылся аленький цветочек: чудо произошло.

– За то и поплатился? – спросила она, не желая падать из красивой сказки в суровую прозу жизни.

– Не знаю... Но то, что меня подставили, точно. Катька хотела с Адамом поговорить, но он куда-то на юга укатил. Да и черт с ним... Главное, что мой Толян жив, из комы уже вышел. И сообщников моих нет, и сдать их я не могу, потому что не знаю их... В общем, думаю, или дело само по себе до суда развалится, или условно дадут...

– И мне условный срок обещали.

– За что?

– За соращение несовершеннолетнего подонка. Оказывается, у нас в стране так: если женщину изнасиловал малолетка, то виновата будет она... Каково?

– Мне очень жаль, что так произошло, – немного помол-

чав, сказал Никита.

– Ты так говоришь, как будто в чем-то виноват.

– Может, и виноват... Надо было нам вместе быть, тогда, может быть, ничего бы и не случилось.

– Да, но у тебя Белла, – сорвалось у нее с языка.

– Брось, это всего лишь казус.

– Мимолетное виденье, очередной эксперимент.

Казалось бы, какое дело ей до Беллы. Ведь ясно же, что ничего серьезного с ней у Никиты быть не может. Да и ситуация совсем не та, чтобы упрекать его в чем-то: сама по уши в грязи. Но ревность колола и душу, и язык.

– С ней эксперимент, я так понимаю, удался? – и сама она кололась, как верблюжья колючка.

Но и Никита смотрел на нее, как тот верблюд на эту самую колючку, желая немедленно полакомиться ею. Евгения чувствовала, как загорелась ее кровь. Нет, она не страдала нимфоманией и могла обходиться без мужчины сколь угодно долго, а после случившегося так и вовсе презирала секс. Но Никита другое дело, он возбуждал воображение. Он был человеком-праздником, после общения с которым хотелось более шумного веселья, самой настоящей вакханалии. А сейчас она особенно нуждалась в карнавальных эмоциях и сильных, но чертовски приятных потрясениях. И только с ним, и только от него...

– Эксперимент? – озадаченно протянул он.

– А разве нет?.. Разве со мной ты не экспериментировал?

Никогда не забыть, как хорошо ей было, когда он затягивал ее в свои философские сети. Столь же сильным было и разочарование, когда он остановился. Но сейчас она готова была простить ему все... Уже все простила...

– Понимаешь, в чем дело, – замялся он. – Тогда действительно был небольшой эксперимент...

– Ты добился своего.

– Да, но... Ты знаешь, что говорит на этот счет моя Катя-ка?

– Что?

– Она сказала, что с тобой все равно что с ней, с родной сестрой. Переспать с тобой все равно что с ней... Но с ней-то я переспать не могу. Да и не хочу, само собой...

– А со мной?

– С тобой хочу. Очень... Ни с кем не хочу, как с тобой... Да и что это вообще за слово такое «хочу»? Мелко, низко... Я люблю тебя... Люблю, как свою родную сестру... То есть, я хотел сказать, что люблю очень, но совсем не как сестру... В общем, я тебя люблю...

– Тогда молчи и слушай, что скажу тебе я...

Счастливо улыбнувшись, Евгения потянулась к нему и в поцелуе призналась, что любит его. Он же признался в том на словах. Теперь она точно знала, отчего это праздничное чувство у нее в душе. Это карнавал любви... Да, она любит Никиту. И ничего не может с собой поделать. Да и зачем останавливаться?..

Свершилось. Нет больше Жени – подруги родной сестры. Есть Женя – любовь на всю жизнь... Никита чувствовал себя счастливым человеком и даже похабная ухмылка милицейского лейтенанта не могла сбить планку настроения.

– Ну, как она, хорошо дает? – мерзопакостно улыбнувшись, спросил офицер.

Никита мог бы сказать, что хорошо дать может он сам, кулаком в ухо. Но с ментами лучше не связываться. Поэтому он сделал вид, что не услышал вопроса. И сунул в карман лейтенанту десятитысячную купюру, вторую часть оплаты за свидание с Женей...

Договаривался он с дежурным сержантом и аванс отдал ему, но в камеру привел его этот лейтенант с похабной улыбкой. Скользкий тип, Никите хотелось поскорее умыться после общения, убрать с лица липкую пленку, оставленную, казалось, его взглядом. Но страха перед ним не было. Мелкая душонка у этого мента, и сам он трусоватый – больше чем на мелкую пакость не способен...

Расплатившись с ментом, Никита вернулся в свою камеру, уместился на свой лежак; вытянувшись во весь рост, закинул руки за голову и с блаженной улыбкой на губах закрыл глаза. Пусть он в тюрьме, пусть впереди его ждут арестантские мытарства, зато теперь у него есть Женя. Рано или поздно они

обретут свободу, встретятся и будут жить вместе. Теперь он знал, что это такое – любовь до гробовой доски...

* * *

Это была самая лучшая ночь в ее жизни. Казалось бы, от любовных ласк невозможно устать, но Евгения все же чувствовала себя утомленной; хотелось спать, но при всем при том сон почему-то убегал от нее. Она думала о Никите, о том, что не так страшна тюрьма, когда есть любовь...

Но усталость и ночь брали свое – Евгения почувствовала, как затяжелели веки, как заволокло сознание колыхающейся пеленой. Она уже почти заснула, когда снова открылась дверь. Неужели Никита?.. Но радость, разогнавшая сон, сменилась разочарованием. В камеру входил паскудный лейтенант, о котором Евгения не могла думать иначе как с чувством отвращения и страха.

– Налюбилась? – закрыв за собой дверь, спросил он.

И уверенным шагом подошел к ней, сел на краешек топчана, на котором она сидела, до подбородка натянув на себя одеяло.

– Что вы себе позволяете?

– А что ты себе позволяешь, красуля? Это ты перед нами, честными людьми, целку строишь, а грязным уголовникам без разбору даешь... Видел я, как ты с этим здесь куролесила!

Евгения почувствовала, как запылали со стыда щеки. Ведь она знала, что в двери есть глазок для надзирателя; а в камере горел свет, когда они с Никитой предавались любви. Но далеко не всегда их тела были накрыты одеялом. Слишком увлечены они были друг другом, чтобы всерьез думать о безопасности. Никита же вообще о том не помышлял. И все норовил выбраться с ней из-под одеяла. Понять его было можно: жарко в камере... Да, скот в лейтенантских погонах запросто мог подсматривать за ними. Если так, он много чего видел...

– Это Никита был. Он мой жених!

– Кого ты лечишь, мара? – хмыкнул офицер. – Женихом твоим он только что стал... Много у тебя таких женихов? Может, и мне можно с тобой пожениться?

Он вдруг резко схватился рукой за край одеяла и сорвал его с Евгении. Он явно ожидал увидеть ее в чем мать родила, но девушка была в трикотажном костюме, что, конечно же, разочаровало его. Воспользовавшись его замешательством, она перескочила на соседние, незаселенные нары.

– Что ты скачешь, как та коза?.. Да ты и есть коза...

– Я еще раз говорю, это Никита был, мой жених. И он говорил вам это!

– Что он мне говорил?

– То, что мы жених и невеста!

– Кто тебе такое сказал?

– Он!

– Мне он сказал другое. Мне он сказал, что не знает тебя. И еще спросил, правда, что ты за блуд села? Я сказал, что правда, но только ты никому не даешь... Он сказал, что на раз-два тебя раскрутит...

– Не мог он такого сказать! – в состоянии, близком к истеричному, возмутилась Евгения.

– Ну как не мог, если сказал! – в упор и маслено глядя на нее, ухмыльнулся лейтенант. – Мы с ним поспорили. Если раскрутит тебя, то подергается на халяву, если нет – я ему лично почки отобью... Но ему повезло, потому что ты шлюхой оказалась...

– Это неправда!.. Он сказал, что заплатил вам...

– Заплатил?! Да у него шаром в кармане покати!

– Вы все врете!

Она не верила паскудному лейтенанту, но в ее голосе уже звучало сомнение. Она хорошо знала Никиту. Может, он и неплохой парень, но в его душе всегда билась авантюрная жилка. Он любил экспериментировать – с уличной толпой, со случайными девушками. И до нее самой добрался, тогда, у себя дома, когда довел ее до точки кипения, чтобы доказать себе, как легко ее совратить...

– Да нет, не вру... Если бы врал, я бы сказал, что Никита тебя проспорил... А ведь я ему предлагал и на тебя поспорить. Если у него выгорит с тобой, то, значит, ты моя...

– Он не мог на меня спорить, – она потрясенно мотнула головой.

– Нет, он на тебя спорил, но не проспорил. То есть, поимел тебя, чем спас свою шкуру. Но сказал, что если я хочу тебя, то сам должен был с тобой договариваться...

– Да он бы тебе морду набил!

Евгения вспомнила, за что Никита попал за решетку. За то, что за нее вступился... Да, он бы не стал расплачиваться ею. Не пошел бы на это. Но ведь он действительно мог договориться с лейтенантом на спор. Без денег, но на спор. Возможно, это была хитрость с его стороны, чтобы пробиться к ней... Но все равно подло... А может, все-таки офицер врет? Но почему же тогда он не соврал ей, что Никита ее проспорил и теперь он может с ней спать?..

– Мне морду набить? – вскинув голову, мерзко ухмыльнулся надсмотрщик. – Да мы б его потом насмерть забуцкали. Он это знает, он жить хочет... Нет, он мне в морду не дал. И права на тебя не дал... Но разрешил подсматривать за вами. Я же видел, как ты одеяло на себя натягивала, а он стягивал, чтобы все было видно...

И это походило на правду. Она помнила, как Никита срывал с нее одеяло...

Евгения уронила голову на грудь, сокрушенно обхватила ее руками. И лейтенант тут же подсел к ней, легонько провел ладонью по спине. Ей стало противно, но почему-то лень было стряхивать с себя его руку.

– Он сказал, что я могу с тобой, если ты захочешь...

– Мне плевать, что он сказал.

– Вот и я думаю, какие права может иметь на тебя этот проходимец... Мне тоже наплевать, разрешает он или нет... Ты же хочешь меня.

– Нет.

– А я хочу... Ты с ним так зажигала, что и мне захотелось...

– У нас и раньше было... У нас любовь... была...

– Не знаю, он не говорил. Он сказал, что все бабы шлюхи. А ты тем более... Сказал, что баб у него валом было. Сказал, что и тебя на раз-два раскрутит, если ты за блуд здесь... Мы же знаем, за что ты здесь. Будь умницей, не зли меня... Ведь мне же обидно, всем даешь, а милицией брезгуешь. А ведь от нас зависит, как тебе дальше жить... Давай так, ты мне, а я завтра тебе кого-нибудь из уголовничков приведу, если ты их так любишь...

– Отстань!

Евгения перебралась на свой топчан. Но лейтенант тут же подсел к ней.

– Извини, я не хотел тебя обидеть...

И снова его рука поползла по ее спине.

– Уйди! – потребовала она.

– Может, я чем-то могу тебе помочь?..

– Чем ты можешь мне помочь?

– За что ты здесь?

– Как будто ты не знаешь...

– Ну, может, тебя оговорили... Ты не бойся меня, можешь

по имени обращаться. Меня Саша зовут...

– Да, меня оговорили... Меня изнасиловали сынки богатых родителей. Но меня же и сделали крайней.

– Так бывает... Хочешь, я поговорю со следователем? Скажу, что ты ни в чем не виновата. Мы же коллеги, он мне поверит... И с этими сынками поговорю...

Евгения задумалась. А ведь если Адамом всерьез и с пристрастием займется представители закона, возможно, он дрогнет и повернет назад. И на следователя перестанет давить. Тогда ее уголовное дело развалится само по себе... Погруженная в раздумья, она не сразу поняла, что лейтенант уже запустил руку под ее олимпийку, его пальцы забрались на самую вершину правой груди...

– Ты что вытворяешь, гад?

Она попыталась пересесть, но лейтенант схватил ее двумя руками за талию, притянул к себе, повалил на топчан.

– Ну, чем я хуже, чем этот молодой козел! – спросил он, стягивая с нее штаны.

– Пусти!

– Молчи, тварь!

Одной рукой он закрыл ей рот, другой продолжил снимать с нее одежду. Но ему не хватило сил и сноровки, чтобы справиться с Евгенией.

Никита считал, что все бабы шлюхи. Но и она теперь точно знала, что все мужики – похотливые козлы. И она больше никогда и никому не позволит втаптывать себя в грязь.

Злость и отчаяние вызвали прилив сил. Извернувшись, она пальцами ткнула насильника в глаза, да с такой силой, что он взвыл от боли...

* * *

Следователь Рыбин не скрывал своего торжества. Похоже, он и сам осознавал, что слишком уж слабо прижал ее к стенке статьей о развратных действиях. А у него заказ от господ Потаповых; чтобы отработать свои деньги, ему нужно было посадить ее всерьез и надолго. А тут такая удача...

– Да, крепко вы влипли, Евгения Павловна, – мысленно потирая руки, сказал он. – Статья сто восьмая, умышленное телесное повреждение, повлекшее за собой потерю зрения. Лишение свободы на срок до восьми лет. Да, в вашем случае присутствуютотягчающие обстоятельства. Вы причинили телесное повреждение лицу в связи с выполнением им служебного долга...

– Не знала я, что насилие над заключенными есть выполнение служебного долга, – презрительно усмехнулась она.

– Ну, право же, сколько можно прикидываться невинной овечкой. Все вас насилуют, ну просто спасу нет... Скажите, я вас домогаюсь?

– Вы – нет.

– И другие – тоже нет. Вы сами источник непотребства. А лейтенант Середа исполнял свои служебные обязанности.

Находясь на дежурстве, осматривал камеры. Зашел к вам, вы на него набросились...

– Я написала жалобу, я требую приложить ее к делу!

Она могла бы написать и заявление с требованием привлечь насильника к ответственности. Но тогда бы ей снова пришлось подвергнуться унижительной процедуре в лаборатории судебной экспертизы. К тому же после сравнительного анализа Середа выпал бы из списка подозреваемых в изнасиловании. Он бы сам и показал на Никиту. Повинился бы в том, что подпустил его к заключенной, но сам бы и обвинил его в половом контакте с ней... Никиту не жаль, но Евгения не хотела в очередной раз попасть впросак. Поэтому всего лишь написала жалобу на имя милицейского начальника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.